

ТЮМЕНЬ Литературная

ПОСЛЕДНИЙ КАТАКЛИЗМ

Когда пробьет последний час природы,
Состав частей разрушится земных:
Все зримое опять покроют воды,
И божий лик изобразится в них!
1829

Ф. И. Тютчев

Газета русской литературы и культуры
RUSSIA № 2-3 (94-95) 2008 г. TYUMEN

Первый номер вышел в июле 1972 г.

Издание возобновлено в декабре 1989 г.

Юг тюменской земли. Бердюжский край. Лето.

НАШ КРАЙ ВСТРЕЧАЕТ ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ

Литературный десант в Нижневартовске. Фото П. Плюхина.

*Бог, Отчизна и Народный Вождь...
Вот на чем держался ты издревле,
Русский мир, и вот чего ты ждешь,
Оказавшись на предсмертном гребне...*

Станислав Золотцев

ЗЕМЛЯ БОГОВ И ГЕРОЕВ

Русь Гиперборейская

...Княжеское захоронение руса-бореала в Сунгире под Владимиром на двадцать тысяч лет древнее самых древних пирамид и зиккуратов, созданных южными русами, и на двадцать пять тысячелетий старше первых могильников предсемитов Ближнего Востока (которые, кстати, пока не найдены археологами, а только описаны в «ветхозаветных текстах», где семиты, как правило, приписывали деяния древних народов себе). Я с огромным уважением отношусь ко всем семитам-арабам и семитам-евреям и желаю им всяческого процветания. Но к великим цивилизациям Древнего Востока их предки имели весьма и весьма косвенное отношение... в основном в качестве силы, разрушившей эти цивилизации.

В Гиперборею 25 – 2 тыс. до н.э. эта «разрушительная, всеуничтожающая сила» еще не добралась, у неё хватало «работы» на Ближнем Востоке (даже в долины Нила её не пускали имперские армии Древнего Египта, стоявшие на рубежах непреодолимыми богатырскими заставами). Европа и Южная Сибирь были воистину кладом микроцивилизации русов-бореалов, кладовой, хранящей исходный этноантропологический тип, исходные родовые уклады, традиции и ту самую «чистую, исконную» веру дедов-пращуров, о которой мы писали выше. Это и была самая подлинная Гиперборея, земля истинных богов и героев. Я, как историк, как ученый-этнолог, всецело поддерживаю инициативу наших «гипер» – гиперборейцев, таких как уважаемый мною В. Дёмин, да и других подвижников «нордической идеи», ищущих прародину русов за Полярным кругом и в Арктике. Если бы наше государство хотя бы на сотую часть сократило финансирование «мирового сообщества», оно смогло бы наконец заняться историей собственного народа, в том числе и археологическими изысканиями, которые у нас прежде не прекращались даже в военные годы. Но сейчас «обслуживание внешнего долга» и прочие формы выкачивания всех соков из России абсолютно лишают нас и малейших надежд на возобновление научных работ даже в самых скромных масштабах. Увы! И поэтому в жесточайших нынешних условиях правильнее было бы сосредоточить все усилия немногочисленных исследователей-подвижников, поддерживающих престиж русской и мировой науки своим бескорыстным трудом и своими собственными, вложенными в эту науку и исследования средствами, не на раскапывание арктических льдов и торосов, а на Гиперборею подлинной.

И Гиперборею эту – землю богов и героев – не надо искать. Она уже найдена. И достаточно давно. Это обширные земли Европейской России, Южной Скандинавии, Германии, Литвы, Польши... Надо только помнить, что тысячелетия назад на землях этих не было еще юных народностей, появившихся во второй половине 2 тыс. н.э. – не было поляков, литовцев, немцев, датчан, шведов... все это появилось в результате многовековой экспансии на север и восток средиземноморскорасового юга, направляемого католическим папским престолом, не было сопутствующих латинизации и «германизации», насильственной ассимиляции, срамливания коренных народов Европы, не было «дранг нах остен» и вытеснения автохтонов на восток... А жили на этих землях русы.

И говорили они на языке русов. И это бесспорно доказывает топонимикой, которую русы оставили по всей Европе, где они жили, и корневыми основами языка русов, которые прослеживаются в языках всех перечисленных (и множества неперечисленных) народов Европы. И потому, если мы не можем говорить о каком-то большом государственном образовании на этих землях, то мы со всей определенностью можем говорить об этнокультурно-языковой общности русов Центральной, Северной и Восточной Европы как о Руси Гиперборейской.

Это и была Русь Гиперборейская, ибо на землях её проживали русы-гипербореи, русы-северяне, русы-бореалы. Но, в связи с некоторым «литературно-эпическим» оттенком звучания такого термина-топонима, в научной печати, на мой взгляд, следует придерживаться иной терминологии, обозначая Русь Гиперборейскую как этнокультурно-языковую общность русов-бореалов Европы, Урала и Южной Сибири. Язык русов-гипербореев следует называть бореальским языком, или, точнее, бореальским праязыком (в отличие от ностратического протоязыка русов).

Если же со временем будут найдены поселения за Полярным кругом и под водными толщами Ледовитого океана, можно с абсолютной уверенностью прогнозировать, что это городища русов-бореалов, то есть поселения тех родов-выселков русов, что, пользуясь циклическими потеплениями, добрались до самых северных широт, а затем, после наступления холодов, или погибли, или ушли на юг. И никакой иной «загадочной» цивилизации, иных «племен и народов». Если бы они были, мы имели хотя бы какие-то следы их пребывания. Но их нет – ни одного. В то время как русы-гипербореи-бореалы оставили городища, могильники, валы, топонимику и сотни и сотни тысяч артефактов. Надо с полной отчетливостью, отринув иллюзии по поводу вымышленных «древних греков», «германцев» и прочих «эльфов» и «троллей», понять, что в 25 – 3 тысячелетиях до н.э. на север от Средиземноморья, Ближнего Востока и Кавказа обитал только один исторический этнос – суперэтнос русов, точнее, его северные роды. В основе обитатели, в основном неандерталоидные архантропы, находились на уровне австралийских аборигенов-собираателей. Они не строили жилищ, жили на деревьях или под скальными уступами, делали грубые каменные и костяные орудия труда и примитивной охоты, практически не имели языка. После них почти ничего не осталось.

Современный человек, знающий и видящий, что ныне существует великое множество народов и языков, автоматически переносит свое практическое знание на далёкое прошлое. Это неверно. Языки рождаются из первоязыка, как расходящиеся во времени и пространстве диалекты. Но вначале был первонарод и первоязык. Это был народ русов и язык русов.

И к эпохе сложения этнокультурно-языковой бореальной общности Европы, то есть Руси Гиперборейской, этот первонарод уже имел многие тысячелетия своей истории и культуры.

ЮРИЙ ПЕТУХОВ.

(Из книги «Русы Древнего Востока», Москва. Вече. 2007 г.)

Писатели «Страны Тюмени»

Говорят участники праздника:

Л. Ефремова, Н. Денисов, Т. Оносова,
А. Тарханов, Е. Пионт

Давно не виделись!

Н. Коняев, Ю. Перминов, Б. Комаров

* * *

– Самое главное, что тюменские писатели, представители Юга и Севера нашего края, впервые за много лет смогли собраться вместе, провести научную конференцию при содействии ученых Тюменского госуниверситета, пообщаться, подарить друг другу свои книги, встретиться в библиотеках с читателями, перед зрителями, пришедшими на творческий вечер в Тюменский театр кукол... Понимаю, что у тюменских организаторов писательского праздника не хватило средств, чтоб собрать всех наших членов СП в областном центре... И все-таки замечательно, что знаменательную дату в жизни писателей Тюменской области мы отметили.

Николай Коняев,
председатель Ханты-Мансийской окружной
писательской организации.

* * *

– Вечер в театре кукол открыли и вели поэты Николай Денисов и Людмила Ефремова. И сразу зазвучали стихи. Знаменательно, что празднование 45-летия Тюменского СП проходило в День всемирной поэзии – 21 марта.

Ряд прозаиков, поэтов получили почетные грамоты и благодарности губернатора области, облдумы, областного комитета по культуре, Союза писателей России.

Вспомнили стоявших у истоков организации писателей, почтили их память минутой молчания.

И вновь зазвучали выступления поэтов, прозаиков, бардов.

Действо вечера завершилось праздничным фуршетом, где мы общались весело и дружно в непринужденной обстановке.

Ольга Данилова,
член литературного объединения
при Тюменском отделении СП России.

* * *

– Я и поэт Юра Перминов, побывавшие на вашем литературном празднике, полны впечатлений от тюменских встреч с коллегами по перу и читателями. Мы успели еще выступить и в юношеской библиотеке Тюмени, где работают замечательные люди, ценящие и любящие поэтическое слово.

Желаем всем добра и творческих успехов!

Передал по телефону из Омска поэт
Владимир Балачан.

* * *

– Слышал, что одна из тюменских «демократических» газет побрызгала ядовитой слюной в адрес нашей писательской организации и поэтического вечера. Что ж, дело знакомое...

Знаю мнение многих побывавших на юбилее писателей. Оценки положительные. И у меня осталось очень доброе впечатление от этой теплой, неповторимой встречи.

Станислав Ломакин,
член Союза писателей России,
г. Тюмень

ОТМЕТИЛИ СВОЕ 45-ЛЕТИЕ

– Непреходящее светлое чувство от недавнего 45-летия Тюменской областной писательской организации, с которой и начиналась литература обширного сибирского края, а некоторым участникам форума довелось быть у истоков этого начала. Конференция в университете, встречи в библиотеках города, главный литературный вечер в театре кукол, прием в офисе писательской организации по улице Осипенко – все очень корректно, доверительно, душевно.

И при скромных средствах можно осуществить многое хлебосольное, мобилизующее. Все это навеял мне юбилей в областном центре при непосредственном кураторстве председателя писательской организации Н.В. Денисова.

Сейчас много судачат о расчлененности организаций, противостояниях и всяческих стояниях от лукавого. На мой взгляд, у всех нас один общий предмет – литература, истинный писатель ею и занимается, суждения всеу оставляя дилетантам. Недавний юбилей наглядно подтвердил это. В конечном счете все решают книги. Они, и только они, определяют положение дел в творческих организациях. Так что давайте делать литературу, какой её ждут читатели и время. И тогда напластования отпадут сами собой. Они и отпадут, если команды писательских образований усвоят девиз: «Быть в литературе – значит творить! Творить – значит быть выше сиюминутного!»

Удач всем, равняйтесь во всем на великое!

Николай Смирнов,

председатель «Содружества писателей Нижневартовска»

– Празднование 45-летнего юбилея Тюменской областной писательской организации, участником которого я был, – доброе событие. Но хочется сказать и о наблевшем.

«У нас была великая литература» – под этой рубрикой московский еженедельник «Литературная Россия» часто публикует сегодня свои материалы. Читатель узнает о всех значительных именах советского времени, о явлениях и мероприятиях всеозвонного звучания, а главное, об удивлявших весь пишущий мир замечательных своим благородством, новизной, глубинным пониманием жизни традициях.

В сегодняшней «обновленной» России эти традиции попораны почти повсеместно. (Не нами, конечно, не самими творческими людьми). Есть некоторые островки в стране, где творчество ценится обществом и властью. Но эти «островки» – вроде исключения... Наши писательские организации, которые всегда назывались творческими, превращены в общественные. Проще сказать, писателям молча «заявили»: вы, мол, не нужны «нашей» культуре, живите, как можете... Как живут, скажем, общества любителей пива или кружки по интересам. Так в злорадной потехе, стараясь уравнивать несовместимое, поступают у нас нынче с творцами слова.

В России тысячи искусственно созданных общественных организаций. Многие из них родились по воле США, Запада, которые финансируют свои детища. Благотельями выступают порой их разведывательные органы. И надо помнить: у этих общественников свои недобрые цели в отношении России.

Конечно, мы, писатели-патриоты, не с ними. И никогда не будем в этой компании!

Но, полагаю, нас умышленно поставили в тупиковую ситуацию, лишив финансовой федеральной поддержки, а где-то и прежних писательских домов, скромных пристанищ, оплачиваемых «штатных единиц». (Не потому ли прежние руководители писательской организации в Тюмени потеряли двухэтажный писательский дом, сдавая комнату за комнатой «деловым людям», пока творцы слова не оказались в нем квартирантами). Пусть, мол, живут в маете, пурхаются в житейских проблемах, а то ведь, не дай Бог, объединятся, займутся не только литературными, но и политическими делами, хлопот с ними не оберешься!

Подозреваю, что именно так и думают о российских писателях в нынешней ситуации властные чиновники.

Андрей Тарханов, мансийский поэт.

Б. Комаров, В. Михайлов, А. Шестаков

Н. Смирнов

В. Балачан

В. Мартынов

ОТ ИМЕНИ ЧИТАТЕЛЕЙ

Мне довелось присутствовать на поэтическом вечере, который проходил в рамках празднования 45-летия Тюменской областной писательской организации.

Тюмень была оповещена заранее афишами и объявлениями по радио, потому мы, читатели, ждали этого события, что произошло затем в Тюменском театре кукол.

Вечер открыли и вели поэты Людмила Ефремова и Николай Денисов. Выступали известные нам по книгам и публикациям – Александр Шестаков, Анатолий Васильев, Андрей Тарханов, Николай Смирнов, Николай Коняев, гости из Омска – Владимир Балачан (автор знаменитой песни «Хлеб – всему голова»), Юрий Перминов, прозаик из Нижнего Новгорода (бывший надымчанин) Валерий Мартынов, исполнители собственных песен Татьяна Австриевская, Анвар Исмагилов и другие, в том числе, молодые авторы.

Вечер длился более двух часов и оставил у нас доброе впечатление. Конечно, в советские времена, такие встречи мастеров слова с читателями проходили гораздо чаще и более объёмно. Мы помним, как приезжали в область таланты со всего Советского Союза и из-за рубежа. В «перестроечные» времена добрая традиция была утрачена. Поэтому на фоне бездуховности нынешних дней событие у писателей дало возможность дохнуть нам воздухом поэзии, теплых лирических песен, радоваться вместе с именинниками.

Гости и зрители оценили присутствие на вечере представителей исполнительной власти города и области, депутатского корпуса. Андрей Артюхов и Ольга Буйнова от имени губернатора и областной Думы вручали почетные грамоты и благодарности Николаю Денисову, Николаю Шамсутдинову, Юрию Мешкову, Людмиле Ефремовой, Татьяне Сизиковой, Борису Комарову, Виктору Захарченко, Александру Шестакову, Станиславу Ломакину. А руководитель Тюменской организации СП, член Правления Союза писателей России Николай Денисов вручил ряду коллег писательские грамоты, в том числе, Похвальную грамоту первому в области Литературному музею в селе Окунево Бердюжского района, Центральной библиотеке Тюмени, Почетную грамоту СП России Виктору Рябкову – за благотворительность и поддержку в книгоиздании.

Вечер удался. Почаще бы такое действо! Да поближе к людям, к их душам и сердцам!

Леонид Третьяков.

Л. Третьяков, Т. Австриевская, Ф. Селиванов

Екатерина Нионт

СЕМЕЙНАЯ ИДИЛЛИЯ

Леночка сидела за столом на кухне и ела гречневую кашу. Мама её, Татьяна, стояла у плиты. Взгляд девочки блуждал по кухне, каша не убавлялась, и мама периодически наставляла: «Ешь, кому я говорю, вот не вырастешь...». Леночка нисколько не расстраивалась из-за ожидающей её перспективы, продолжая обзирать стены, потолок, пол...

Вдруг взор Леночки остановился в углу, где мусорное ведро. Возле него сиротливо, словно на вокзале отставшие от поезда пассажиры, стояли две бутылочки: чекушка из-под «московской», на другой, еще меньшей, красовалась наклейка с разными фруктами – «Сироп». Сироп этот Леночка обожала.

– А почему мама светлая, а дочка такая темная? – неожиданно прервала молчание Леночка. Татьяна растерянно посмотрела на дочь. Та сидела, подперев ладошкой щечку, озадаченно смотрела в угол. Увидев порожнюю тару, Татьяна все поняла: у дочки свое видение мира – если рядом стоят два предмета, то это непременно мама с сыночком или с дочкой. Если три, значит, у них есть папа, но при условии, что этот предмет больше других, а иначе мать с двумя детьми, проще – безотцовщина.

– Потому – что папа у неё темный, – перевернув котлету в сковороде, уверенно парировала Татьяна. Леночка, вытянув подбородочек, понимающе произнесла: – А-а-а... Она тоже походила на папу... А он что с ними не живет? – продолжала дочка, то ли заговаривая мать, чтобы та забыла о каше, то ли своим сердечком прониклась к судьбе брошенных.

Татьяна, не желая говорить по поводу разводов, категорично заявила:

– Ты что, он на работе.

– А, я знаю... он у дедушки работает. Я видела его, он такой огромный. Наверно, двухлитровый. И когда он сердится, то у него по горлышку текут ужасные слюни. Как морская пена. Так некрасиво, наверно, его дочке стыдно за него. Надо дедуле сказать, чтобы он передал ему... – и Леночка, соскочив с табуретки, побежала в комнату к деду. Вслед ей вяло донеслось: «Кто кашу будет есть?..»

– Дедушка, а дедушка, где отец бутылочки, ну такой очень загорелый еще, который у тебя вчера работал?

Дед не сразу вник в проблему, отложив газету, удивленно спросил:

– Ты о ком, внученька?

Леночка в одно мгновение сбегала на кухню и вернулась с маленькой бутылочкой, потребовала срочного ответа:

– Когда мы вчера заходили с бабушкой к тебе в кабинет, у тебя на приеме был отец вот этой бутылочки. Ты что забыл что ли, где он сейчас?

– Выкинул!

– Он его уволил! Я так и знала! И теперь он бомж, и где-то на помойке, – и возвратившись на кухню, сокрушенно сказала матери, – Бедняжка, теперь у неё нет отца! – и Леночка погладила коричневый пузырек. Затем взяла носовой платок, завернула в него несчастную бутылочку и стала баюкать...

Вечером перед сном Леночка с мамой и папой пошли на прогулку. Дочка первая оделась и выбежала за дверь на площадку. Возле квартиры соседа стоял темно-коричневая порожняя бутылка из-под пива с кокетливо нацепленной крышечкой. Лена радостно закричала:

– Смотрите, он вернулся к семье! Он просто перепутал квартиры! Мама, папа, пусть он войдет. Посмотрите, какой он несчастный. И совсем, совсем пустой...

Дед отметил про себя, что сосед любитель «жигулевского». Вслух же произнес:

– Я всегда говорил, что он консерватор!

– Ты зря уволил его, дед! – топнула ножкой Леночка.

– Теперь он будет жить у нас вместе со своей женой и дочерью. Его надо проводить на пенсию. Он, наверно, много работал всю жизнь... Его надо уважать... И, смотрите, с ним можно будет ходить в магазин за растительным маслом или за квасом, да и за молоком...

Леночка придумывала и придумывала разные применения бутылки, лишь бы стеклянная кроха снова обрела отца.

г. Тюмень.

Людмила Ефремова

СОЛОВУШКА

Рассказ

При малейшей возможности она бежала на дачу. Только здесь Клавушка чувствовала себя по-настоящему счастливым человеком. Каждое растение она буквально поливала своей любовью, она разговаривала с ним, нежно гладила стебли и листья. Она знала, она чувствовала ответную любовь каждой травинки на своих четырех сотках, которые и дачей-то трудно было назвать. Так, заросший лоскуток земли да сараюшка в углу. Но чего только не росло на этом лоскутке! Одаривали неповторимым ароматом лесные ландыши, фиалки, тянулись голубыми стрелками дельфиниумы. А гиацинты, тюльпаны!

Соседи недоумевали, пальцем показывали: одинокая, работающая женщина, ровным счетом ничего не смыслящая в садоводстве, а урожаи валются у неё по всем, что называется, культурам. И все они уживаются с сорняком! Заставь человека ходить всю жизнь строем, какое доброе потомство он оставит? Так и растения, насыщенные высаженные в один ряд, одной шпалерой, постепенно теряют силу и погибают.

Вот и произрастала клубника в бурьяне, крупная, сочная. Прямо над ней лопилась от ягод полированная черешня. Чуть поодаль наливался соками янтарный виноград. А благородные яблоньки, груша, слива, абрикос! Клавушка в ярком ситцевом сарафане порхала в этом великолепии и напевала любимые мелодии.

Однажды её внимание привлекло ответное пение. Оно доносилось вместе с ароматом французских роз, увивших забор в виде зеленой изгороди. Впрочем, уместнее было бы назвать её малиновой изгородью. Крупные, душистые розы щедро встречали хозяйку своими яркими улыбками. Почти у самой земли она разглядела маленькое гнездышко, а в нем три пестрых яичка. Это было гнездо соловья! Клавушка стала наблюдать за серенькой неприметной птичкой, которая, в свою очередь, наблюдала за ней. Соловей радостно приветствовал дачницу, порхнув у самых глаз, садился поблизости на штaketник и начинал свои рулады. С какой самоотдачей, с каким самозабвением он пел! Ни один оперный певец не смог бы посостязаться с ним в таком ангельском трюдолюбии.

Гнездышко, свитое в зарослях роз, каждый год исправно обновлялось, и в нем по осени выводилось потомство. Дачница понимала, что за гнездышком ухаживают оба родителя, но общалась она лишь с отцом семейства. В том, что это был именно он, она не сомневалась, только галантный кавалер мог претендовать на взаимность.

Соседка Валя, живущая по ту сторону сарайчика, как-то удивленно поинтересовалась:

– Слушай, там внизу, около забора, гнездо. Как птички не боятся, что кошка его разорит, а то и с ними расправится?

Клавушка даже растерялась: ей и в голову не приходило, что на её дачном участке кто-то может быть обижен или изгнан. Соседская кошка Шура действительно навевывалась. И получала угощение в виде молока или рыбки. Да мало ли кто сюда заглянет!

На третье или на четвертое лето соловушка изменил традиции селиться у забора и свил гнездо в кусте лимонника, недалеко от сарая. Исключительно для того, чтобы, не улетая далеко от гнезда, петь Клавушке лучшие свои арии. А уж как старался! От напряжения на маленькой дрожащей шейке надувался пузырь воздуха, вероятно, и помогавший певцу вибрировать голосом на самых высоких нотах. Его крохотное тельце было преисполнено грации и достоинства.

Конечно, как и всякий артист, соловей ждал от зрителя комплиментов и оваций. Он летел следом за Клавушкой к винограднику в другой конец сада и, не найдя подходящего помоста, продолжал пение, сидя на уличном проводе. И хотя его фигурка уменьшалась до размеров запятой, сила голоса не ослабевала. В конце концов его исполнительное мастерство вознаграждалось: «Молодец! Умница!» – хвалила его Клавушка и сдержанно, дабы не спугнуть, хлопала в ладоши.

– Клавдия Емельяновна, это вы мне? – спросил как-то сосед слева.

– Да нет, это я с соловьем разговариваю, Сережа.

Но Сережа назидательно заметил:

– К вашему сведению, у нас тут соловьи не водятся.

– Да?! – засмеялась в ответ Клавушка. – А это кто? – и показала на певчее создание.

– Да, действительно, со-ло-ве-ей... – растерянно протянул Сергей.

Не слышали, не видели соловья и соседи справа. Да и как все они, деловые, добросовестные садоводы и огородники могли заметить малую пташку? Её на любом дереве листик прикрывал. А уж изящное пение в какофонии грубых, немелодичных звуков окружающего быта и вовсе было недоступно их слуху.

Как-то раз Клавушку на даче застал дождь. Она сидела на топчане в сарае, закутавшись в одеяло, и с грустью о пропавшем субботнем дне взирала на тягучие нити дождя. И вдруг, не может быть! Запел соловей! Какой тут дождь! Соловушка сидел на штaketнике рядом с сараем и заллевался. Наконец замолчал. Ну, подумала Клавушка, силы иссякли. Ан нет! Певец подлетел к самой двери, схватился лапками за лозу винограда и, повиснув почти горизонтально, вытянул шейку и заглянул

вовнутрь. Глаза их встретились, и артист, убедившись, что слушательница не спит, продолжил концерт.

– Молодец, соловушка! Замечательно, превосходно! – восхищенно воскликнула она.

С того дня Клавушка еще не раз наслаждалась пением квартиранта. Изредка она задавалась вопросами: если соловей все время поет, то когда же он ест, когда он пьет и когда общается со своей соловьиной? А еще она с любопытством думала о том, все ли соловьи отменные вокалисты и все ли так преданны в дружбе?

Всё разрешилось на пятый или шестой год. Обходя весной участок, сгребая граблями прелый лист и прошлогоднюю траву, Клавушка услышала знакомую трель. Она радостно поспешила навстречу с разговорами, мол, как зиму перезимовали, какая кладка ожидается в гнезде и какие новые песни в репертуаре. Реакция была неожиданной. Из зарослей роз выпорхнула соловьиная пара и деловито полетела в другой конец дачи, не обращая на Клавушку ни малейшего внимания...

Увы-увы. Соловьи замечали только друг друга, как и подobaют молодоженам. Это были другие соловьи и петь для хозяйки дачи вовсе не собирались.

Клавушка загрустила. Она поняла, что её Соловушка никогда к ней не прилетит. Что он или не осилил дальней дороги, или попал в зубы хищнику, или по возрасту отошел в мир иной. Вскоре она продала за бесценок дачу и куда-то переехала.

Рассказывали, что через некоторое время в руках новой хозяйки земельный надел стал образцово-показательным. На нем выпололи все сорняки, построили маленький, но крепкий домик. Единственный недостаток был в том, что овощные и ягодные культуры, выращенные на безукоризненных грядках, плодоносили крайне скудно. Черешня и вовсе засохла. И члены семейства не раз в сердцах выговаривали соседям: «Это ваша Клавушка до безобразия запустила участок...» Не желая портить отношений с новыми людьми, те охотно поддакивали: «Да, вы, конечно, правы – Клавушка не умела ухаживать за землей...»

2000 г.

РОМАНОВНА

Рассказ

Романовну, бригадную повариху, волновала вытаявшая помойка буровой. Очистки там, банки-склянки-жестянки, тут и там раззявившиеся. Это бы ладно, а вот все её «грехи» выставились наружу: продукты порченые, кастрюлька вон до угольной черноты прокаленная, прогоревшая. Убрать надо с глаз подальше.

Вот и сегодня... Надо же: молоко убежало, каша сгорела. И ведь, считай, на глазах: задумалась! С чего думать-то? «Ах, ты старая... вербованная!» И начала Романовна костерить память «девичью», душу «грешную», судьбу «сиротскую» и весь белый свет...

Отведя душу, вздохнула обреченно: «Ладно, чего уж там: кого обманывать! Червь зашевелился – змей подколодный! Свою требует... И то: второй месяц в заезде, иссох, гад, поди... Просить замену, однако, надо да ехать залить ему глотку – чтоб захлебнулся, червь проклятый...»

Романовна стала прибираться помойку. Вечером, выбрав минутку, пришла к мастеру на рацию, спросила: «Леонтьич, а, Леонтьич? Это, слышь, замену мне проси. Неделю доработаю, и все – шабаш! Как раз три заезда будет...»

Бурмастер сочувственно хмыкнул: не втерпеж, мол? И тут же связался с базой, передал просьбу поварихи.

Настроение у Романовны улучшилось, она быстро и ловко перебрала запасы, прикинула – сколько и чего заказать из продуктов, чтобы передать подотчета произвести быстренько, на ходу, и в тот же день, как сменщица прилетит, смотаться на базу... Составила заявку, отнесла мастеру и быстро, играючи, сделала необходимые заготовки для завтрака.

И еще пару дней жила Романовна с хорошим, предпасхальным, как в девчонках, настроением: и все у неё получалось вкусно, как никогда, и отпускала «перше» и «вторе» с легкой руки, с шуточками, а если и прорывался острый матерок, то не со зла – по привычке...

В ночь, накануне предполагавшегося отлета, март вдруг накуксил, словно капризный балованный ребенок, зауросил, заплакал. Рассвет занимался серый, туманный – с восковой желтизной.

Романовна, как обычно, в пять утра, в столовую собралась. Только дверь своего балка распахнула, её обдало влажным тревожным духом набухшего снега, весенней капели: с железной покатою крыши балка, из-под февральского сугмета

текла-выговаривала талая вода...тень-звень-поте-тень...

Сначала Романовна, после балка, вздохнула несколько раз глубоко, с удовольствием, но тут же сникла: «Так не улечу ж, туды-сюды! И дороги ж, поди, сели! – никакая машина теперича не пробьется!» – и засосало у неё в груди пуще прежнего, привередливые – другие... она или кто-то другой, живший в ней, запыл, застонал, заматерился, озлобился на всех и вся...

И в это утро у неё что-то пригорело, убежало, просыпалось, разбилось... И буровики раздражали её: были они злые, усталые, грязные – одни, заплывшие, с недосыпом, привередливые – другие...

И точно! Набухшие зимники стали непроезжими, а серое, низкое, словно с подбойкой ватина, небо – непролетным...

«Леонтьич! – ммуро окликнула мастера Романовна, пару дней спустя. – Имей в виду: продукты кончаются. Еще день-два – мука да рассольник в концерах останется».

«Что ж ты так опростоволосилась!» – укорил мастер повариху.

«Дак – к пересмене ж подгадывала!» – стушеввалась она. А сама всегда раньше хваталась: «Запас карман не тра-та-та!» Потому отработала назад: «Ни-иче! Ландориками кормить буду. Лапшичку. Клецки. Затируху придумую. Зубы на полку не придется класть!»

Романовна вздохнула, выбрала уголок фартука почище, промокнула глаза, высморкнулась, дебелие лицо её окаменело, голубенькие глазки сердито глянули на мастера из-под белесых ресниц.

«А ты че ходишь – в штаны наклал? – напустилась вдруг на мастера. – Ты базу-то, давай-давай, тереби! Не – «база базынька!», а «база, так тебя перетак!» Немедленно – продукты! По санзаданию! По спасительному: с голоду, мол, дохнем! Дистрофики, мол, уже есть...» Она уперлась сильными полными руками в крутые бока и вдруг мелко затряслась в смехе, похлопала по «майорской мозоли» мастера и сказала уже серьезно: «Леонтьич! Тогда только так и забегают, я знаю...»

Добра Романовна, жалостлива, простодушна. Но и обидчива бывает. И своенравна – до капризности!

К примеру, случилось как-то работнику одного института, бывшему на буровой по какому-то ученому вопросу, попросить соли... Делов-то! Ан нет! «Ишь – ученый! Всем суп соленый – ему одному недосоленный!» Кхы! Соли ему мало... Да на, соли! Жалко, что ли?» – и она двинула по прилавку чашку соли. «Соли, соли! А то скажешь, что соли тебе здесь пожалели...»

Пока смутившийся сотрудник торопливо ел, Романовна гремела посудой, от поры до поры фыркала: «Надо же! Суп Романовна разучилась варить... Недосолила!»

Кроме тех случаев, когда она «задумывалась», готовила Романовна вкусно, порции «насыпала» (её слово) щедро,

цены «калькулировала» божеские, кормила и в неурочное время. Поэтому у Романовны норовили перекусить и водители машин, и вертолетчики, и прочий попутный народ. Некоторые, создавалось впечатление, специально заворачивали к ней, чтобы посостязаться в складном сквернословии.

Но если кто «наступал» на её профессиональную «мозоль», тому спуска не давала и по прошествии времени, как тому бедному научному сотруднику.

По иронии судьбы, чуть не через год, столкнулась она вплотную с ним в Тюмени (в отпуск ехала) и не смогла удержаться, воскликнула: «Ха! Иде-ет!..Соли ему мало!.. Надо же!»

А так – отзывчива была Романовна на чужое горе. Особенно к друзьям по несчастью. «Ну че хорошего в этом! – воспитывала она молоденького вахтовика, мучавшегося после дорожного перепоя. – Я уж ладно, и то – когда за сердце змей подколодный меня цапает. У меня жисть такая была. А ты-то с чего? Чё в ём, в винище-то, доброго? Счас всякой всячины скусной полно, вот и траться на неё, если гроши лишни завелись и щекотятся...»

Судьба у Романовны была нележкой: послевоенное детство, образование «пять классов, шестой – коридор». В девках – хоть и веселая, но наднадная совхозная «жисть», лихобойное замужество, а после – сплошные «гербовки» (договоры она тоже звала «гербовками»).

«Счас вон «гулаги» всяки поминуют, – рассказывала она, когда находил на неё «стихи». – А мы-то, по гербовке кто приезжал, лучше, что ль, жили?! Да так же, а ино и похуже. Об имя-то государство худобно заботилось, а об нас – кто? Счас вот путанами называют, а раньше блядьё вербованной звали! Думаешь, от хорошей жизни было? Крепись-ся-крепись-ся, а раньше – позже, дашь. А иначе – сна-силыничают все равно. Вот, милоч, такая жисть была чижолая. В молоды-то годы! Вот тогда этот змей зеленый, душеточеч, и угнездился во мне да так, что ничем его, паразита, не вытравишь... Аль не пыталась я?... Одно время обрадовалась: ослобонилась, кажись. Дочку завела, до института выходила: живи да радуйся, Романовна! Да нет: живуче, змеино отродье, опять разгнездилося...»

Вот и в этот раз «пожалилась» она Леонтьичу, и легче стало. Может, и перемоглась бы, да вскоре северок подул, снег занастился, зимники окрепли, и небо выяснилось...И улетела Романовна на базу.

Хватило у Романовны силы справиться свои подотчетные дела, послать дочери перевод с припиской и еще кое-какие житейские нужды сладить, прежде чем стала «тушить» она душевный пожар, да так и не смогла – сгорела...

Много разного люда, узнавши об этом, горевали искренне и желали мира праху её, упокою – душе её страдавшей.

г. Мегион

Валентина Ефимовская – член Союза писателей России, автор трех поэтических сборников, печаталась во многих изданиях. Работает заместителем главного редактора петербургского журнала «Родная Ладога».

ДОМ С АНГЕЛОМ

С мамой я жила в блокаде...
Кто сказал, что не было меня,
Если жизнь
в блокадном Ленинграде
С первого запомнила я дня.

Были клены небывало алы,
В худобе болезней тополь наг.
И Петра десница простирала
Предостереженья явный знак.

Зла не ждали голуби и розы,
Золотом переливалась тень.
В городе бомбежки и морозы
Грянули в один и тот же день.

Замело, завьюжило, завыло.
Помню, как Неву теснили льды.
Вкуса не забуду до могилы
Невской замерзающей воды.

Той воды, которую в бидоне
Матушка моя с трудом несла.
Ангел на её старинном доме
Каменно простер свои крыла.

На неё, еще девчужку, глядя.
Ей безмолвно прочил
райский свет...

До рожденья
в мирном Ленинграде
Я жила в аду блокадных лет.

НА СМОЛЕНСКОМ

Колокола звоны – как поклоны
На четыре стороны Руси,
Каркают на кладбище вороны
Жутко так, что, Господи, спаси...

Канули, как малых рыбок стаи.
На рассвете звезды
в глубь небес.
Хвоя меж могильными крестами
Двух тропинок выстилает крест.

На запруде ряски плат багровый
Ветром порван –
дыры не зашьешь,
Добрая б юридивой обнова,
Да вот как блаженную найдешь?

Говорят, она ходила где-то.
Забрела недавно и сюда, –
И в ледок её босого следа
Вмерзла рыбкой
золотой звезда.

* * *

Ураганный ветер невиданной силы,
случившийся в Париже в канун 2000
года разрушил всю русскую часть
кладбища Сен-Женевьев де Буа, уце-
лела только могила Ивана Бунина.

Перед кончиной каяться не стал
Двадцатый век –
деянья темной силы
Пытаясь скрыть,
он ветром разметал
В Сен-Женевьев
все русские могилы.

Да и кому они любезны там.
Коль правнуки
от тех могил далече?!
И ветер бил
по мраморным крылам,
И угасали, камня, свечи.

И полегли кресты, как в поле рожь,
И слезно замерцали паутины,
И, раскрошившись,
мрамор стал похож
На пух голубоватый лебединый.

Дней окаянных не осилить им,
Изгнанникам, за смертью
не укрыться.
Но крест один остался невредим,
Как исповеди горестной страница...

К ПОРТРЕТУ ЖАННЫ САМАРИ

На меня так сладко не смотри.
Веет взор твой миндалем, ирисом.
Солнечная Жанна Самари,
Знаю я, что ты была актрисой.

Золотых волос пушистый шар,
Перышко боа над тонкой бровью.
Так любимых пишут. Ренуар
Твой портрет писал своей любовью.

И благоухает вне веков,
Что так трудно тянутся и длинно,
Сладкозвучный флер твоих духов
С горьковатой ноткой розмарина.

РУССКАЯ КРАСАВИЦА

Русская баба дородная,
Пшеничная, огородная,
Стыдливая, сынородная,
Крещеная, крестноходная,
Испытанная нуждою,
Победою и бедою.

Русь омрачишь, став худую.
Хрупкую, словно осень,
Легче сломить и бросить.
Врут чужеземцы советами –
Посты заменить диетами.
Не внемли этой нелепости –
Держись в первородной крепости.
Не обнажай на судилище
Душу – любви вместилище:
Покуда ты ею красива,
Тьме не объять Россию!

ВЫБОР

Когда входили в бухту крейсера,
Когда отец легко сбежал по трапу,
Мое взмывало детское «Ура!».
Цепляя коршуна за бронзовую лапу
На обелиске
в честь погибших кораблей...
Под штормовым
сердцебиением флага
«Вальс севастопольский»
я пела всех слышной,
Я подпевала морякам «Варяга».
От мамы знала, помнящей войну, –
Нам никогда не подпоет Европа...
Царю тому на верность присягну.
Кто возвратит России Севастополь!

ПРУЖИНА

Задумаюсь, – мороз идет по коже:
Взят Киев, Ревель,
Севастополь тоже,
Невинных кровью залита Москва
И на Сибирь заявлены права...
И кажется, сжимается Россия
Всей алчной мощью
вражьего массива,
Но, как пружина, коли распрямятся,
Стремясь в просторы
прежние вместиться,
То в станах тех окажется тогда,
Что нас учили воевать всегда,
А мы их неизменно отучали,
Когда нам бонапарты докучали...
Так поубавьте вашей псовой прыти:
Сильней сожмёте –
дальше отлетите!

Жизнь и творчество первого сибирско-татарского поэта, члена Союза писателей СССР Булата Валиковича Сулейманова давно привлекают внимание его земляков и широкой литературной общественности.

Но едва ли не впервые русский мир узнал о существовании в Тюмени татарского поэта Булата Сулейманова в 1988 году, когда в библиографическом указателе «Писатели Тюменской области» была опубликована его краткая биография, а телекомпания «Регион-Тюмень» сняла о нем фильм.

Друзья поэта, соратники по поэтическому творчеству, конечно, знали и ценили Булата много раньше.

Среди соплеменников широкая известность к поэту пришла уже после его смерти. Ему посвящали стихи многие татарские поэты Тюменской области и Татарии. Стараниями татарской общественности в год 60-летия поэта Булата Сулейманова был издан сборник его стихов, рассказов, публицистики – «Мин себер татарымын».

Родился Булат Сулейманов 28 мая 1938 года в старинном татарском селении Супра Вагайского района Тюменской области, расположенном на правом берегу могучего Иртыша. Отцу поэта Валиуле Халиуловичу сейчас было бы сто лет, он родом из тех же Юрт Супринских. Всю жизнь трудился в колхозе, в годы Великой Отечественной войны защищал родину от фашистов. Тяжелый паралич приковал его к постели, когда вышел на пенсию. Скончался в 1977 году.

Мама Булата, Алия Яхья кызы, вместе с мужем вырастила и воспитала восьмерых детей. Еще 28 мая 1998 года Атия апа была жива. Вместе со старшей дочерью Айшой приезжала в Тюмень из Нижневартовска на первую научную конференцию «Сулеймановские чтения», посвященную 60-летию любимого сына.

Жизненный и творческий путь Булата Сулейманова почти не изучен. Непростительно мало написано о его родине, семье, родственниках, педагогах, детских и юношеских годах...

Этот пробел уже восполняется родственниками поэта, земляками, педагогами, учившими в свое время поэта Булата Сулейманова в школах и вузах.

Детские годы пришлось на тяжелый период войны и испытаний послевоенного периода. Карточная система, недоедание, нужда, нехватка самого необходимого сопровождали жизнь поэта с самого раннего детства. В первый класс Булат пошел в восемь лет, но уже в ноябре, с наступлением зимы, вынужден был сидеть дома: не было ни валенок, ни шапки, ни теплой одежды, ни школьных принадлежностей. Трудно было и в последующие годы. Только к 16 годам он окончил семилетку.

В 1956 году, проработав два года в колхозе, юноша отправляется учиться в единственную в Тобольске татарскую школу. Это знаменитая школа №15, недавно отметившая свое 90-летие, и сегодня является флагманом татарского просвещения в нашем крае. В 50-е годы туда стекалась «золотая молодежь» со всего юга Тюменской области. Именно здесь получили образование – общественный деятель, писатель, педагог Якуб Камалиевич Занкаев, работали заслуженные педагоги – почетный гражданин Тобольска Джазиля Амировна Массажутова, ученый, обществен-

Ханиса Алишина

ОСНОВОПОЛОЖНИК

К семидесятилетию Б. В. Сулейманова

ный деятель, кандидат исторических наук Изиль Батретдинович Гарифулин. Но Сулейманову не суждено было получить здесь среднее образование, из-за материальных трудностей он вновь вынужден был устроиться на работу...

Карагайская средняя школа Вагайского района по праву может гордиться тем, что дала путевку в жизнь молодому таланту. Здесь Булат сдал экстерном экзамены и получил документ о среднем образовании.

Спустя несколько лет, Сулейманов прислал в школу письмо, где сообщал о том, что поступил учиться в Казанский университет, просил передать слова благодарности педагогам, учившим его...

Современники Булата еще при его жизни отмечали в нем особый поэтический слог, дарованный природой. Народный писатель Татарстана Сибгат Хаким был автором предисловия к первому сборнику стихов поэта «Таннар фонтаны» (Фонтаны зорь): «Булата Сулейманова ждет большое будущее. Он ответствен перед сибирскими татарами и должен помнить: сегодня в литературе он один представляет сибирских татар».

В 1992 году, после кончины Булата Сулейманова, тюменский поэт Александр Гришин, тоже рано ушедший из жизни, так о нем написал: «Над ним часто посмеивались, упрекали, что мало пишет. Спорили, когда он, может быть, с излишней горячностью защищал право своего народа на нефальсифицированную историю, на развитие языка и культуры, на достойное существование земляков из татарских деревень, затерянных в Заболотье. А он был прежде всего поэтом, редким, потому что истинным. Легко ранимым. Обидчивым, но отходчивым. Он был первым профессиональным поэтом своего народа – сибирских татар. Теперь, после его ранней смерти, нелепой, как и видимая обывателю часть его жизни, думаю, можно произнести это обязывающее слово – основоположник».

Первое личное знакомство с Сулеймановым состоялось, когда он принес мне подстрочный перевод своего «Весла» и попросил сделать перевод поэтический. Мало сказать, что стихотворение мне понравилось. Это было настоящее.

Отпусти меня, берег, –

Умоляет весло.

Море – вот мой товарищ!

С ним легко и светло.

Там восход мой пылает.

Там закат мой горит.

Отпусти, – умоляет. –

Оттолкни, – говорит.

И не хочет бедняга

Понять одного:

Это море

Швырнуло на камни

Его...

Лаконизм, неоднозначность высказывания, прозрачность и глубина угадывались в подстрочнике, написанном прозой. И я счастлив, что он ценил этот мой перевод, считал почти адекватным. Но я-то знаю, что это не так...

После него остались две тоненькие книжки стихов на татарском языке, изданные в Казани мизерными тиражами. Да неоконченная повесть о дезертире. Он очень хотел выпустить свою книгу в переводах на русский язык. Выйти к широкому читателю, но подготовленная рукопись так и осталась похороненной в недрах Средне-Уральского книжного издательства. Кроме моих, есть переводы Николая Шамсутдинова. Сергея Мнацаканяна и других».

Известный русский поэт и общественный деятель Николай Денисов, он сейчас председатель Тюменского отделения Союза писателей России, в июле 1996 года писал: «Познакомились мы с Булатом в литинститутских коридорах. Я обрадовался земляку. Жил в то время Сулейманов в Казани, до поступления в Литературный институт закончил в Казанском университете два курса,

не поладил там с милицией, а вернее, горячая его подруга не нашла общего языка с не менее горячим Булатом, заявила на него, и поэт на год или на два попал на казенные нары.

В декабре 1974 года я приехал в Москву в издательство, поселился по старой студенческой памяти в нашей общежитии Литинститута. Встречаю там Булата: что делаешь здесь зимой, сессия заочников, мол, давно закончилась? Отвечает: зачеты приехал сдавать! ...Вечером сошлись в его комнате. Булат пригласил еще нескольких знакомых, двое из них – аспиранты Литинститута из казанских татар. Смотрю: гости наши перешли на разговор по-татарски. Булат им отвечает по-русски, временами бросаая взгляд на меня. Сижу. Мало что понимаю из разговора, но чувствую, «беседа» принимает нервный характер. Прощаюсь, ухожу в свою комнату. Успел только пиджак снять, слышу шум в коридоре, выкрики. Выхожу. И вот картина: двое соплеменников Булата теснят его к стене, дергают за рубашку...

Булат потом рассказал: казанцы настойчиво его «допрашивали», зачем это он пригласил русского?! И еще, сказал Булат: «Они нарушили закон гостеприимства и требовали с меня, чтоб я при тебе разговаривал с ними по-татарски. Это не по-нашему. Дикость! Понимаешь, почему я отвечал им по-русски?!»

Булат переехал в Тюмень. Когда его однажды обвинили в национализме и татарском сепаратизме, мне пришлось защитить его перед компетентными органами и на писательском собрании, куда был вынесен вопрос о наказании Сулейманова.

Проблема сохранения этноса сибирских татар, культуры и языка родного народа остро волновали Булата. Не обходилось и без явных передежек с его стороны. Тут Булат разгорался, даже взрывался, приходилось его резко осаживать или вообще уходить от разговора на большую для него тему. «Понимаю тебя, Булат, – говорил я ему. – Я обеими руками за то, чтобы поощрять культурную автономию, надо возобновить изучение татарского языка в школах, где это необходимо. Но не будем нарезать границы, не станем искусственно создавать стену отчуждения».

... «Ермак – пандит!» – горячился Булат. Я парировал: «Мамай, известно, тоже не ангел с крылышками был! Если мы полезем в исторические дебри, то неизвестно, к чему это может привести. Давай исходить из того, что есть нынче, и думать, как послужить с большей пользой своему народу. Его самобытности, культуре!»

Потом он принес мне в газету «Тюмень литературная» большую статью «Нет языка – нет народа». Публикация вызвала неоднозначный резонанс и у сибирских татар. Среди спорных суждений о колонизации Сибири русскими, притеснениях, которые якобы чинили «завоеватели» местным народам, главенствовала все же здравая и добрая мысль, которую и сейчас считаю важной. Это мысль о поддержке культуры, о просвещении народа – сибирских татар, которые и дали нам талантливого поэта Булата Сулейманова.

Мало его переводили на русский язык. Но то, что я читал в переводах, свидетельствует о таланте, о своеобразной восточной образности, афористичности. Часто печатался Сулейманов в журнале «Казан утлары». Был даже лауреатом премии журнала «Юность».

Еще одно суждение о личности Сулейманова. Писателя Махмута Касимовича Абдулина (псевдоним Габдель Махмут), тоже уроженца Вагайского района, автора ряда талантливых прозаических книг. В марте 1997 года он писал о Булате: «Как юнец, очарованный наступившей эпохой гласности, он публикует в «Тюменской правде» статью «Сибирские татары – кто мы?» Ох и развернулась тогда драчка! Всем скопом набросились на одинокого, без того битого не раз в течение долгих лет творчества поэта. Ошеломительные откровения Булата вызвали шквал самых разнообразных откликов – от восхищения до полного непонимания. И в те годы, и после его статьи в «Тюменке» требования «читателей» были одни: «Не может такой очернитель оставаться членом Союза писателей СССР!»

Недолго прожил Булат после этого... Обиду от своих он не перенес. Запил. Желая залить свое израненное сердце, и в одиночестве, не дотянувшись до телефона, застыл...»

Высокие оценки личности и творчества Булата Сулейманова, приведенные выше, прозвучали после его смерти. Как мало он слышал добрых слов похвалы и как много пришлось пережить горьких минут разочарования, непонимания, несправедливости,

злости, черной зависти. Местные татарские баи, о которых говорят «из грязи да в князи», чванливо не желали признавать в нем талант истинного поэта, настоящего человека, так или иначе, поджимая губы, подчеркивали несовершенство полученного им образования, недостатки его разговорного татарского языка, неудачи в личной жизни, отсутствие у него семьи... Сколько намешек пришлось ему пережить даже со стороны тех, кто называл себя земляками, друзьями. Немного войдя к нему в доверие, начинали приставать с глупыми вопросами: «Докажи, что ты настоящий поэт! Напиши прямо сейчас стихотворение» Те, кто хорошо знал его еще по Вагайскому району, после первого съезда татар, при встречах, отворачивались, не хотели здороваться...

Я была лично знакома с Булатом Валиковичем всего около двух лет. Писала отзыв в Тюменское отделение Союза писателей на его публикации. В ответ получила короткое письмо от Б. Сулейманова с вложенной в конверт газетой, где было напечатано обращение «Комитета по возрождению сибирских татар». Сейчас думаю: и зачем он пошел в политику?..

Еще встречалась с поэтом в Тобольске, на научно-практической конференции «Сибирские татары». Как оказалось, организованной Сулеймановым. Было много известных и авторитетных людей. Научное руководство осуществлял кандидат исторических наук Андрей Владимирович Головнев (ныне доктор исторических наук, член-корреспондент РАН).

Увидела Булата Валиковича. Стесняясь, подошла к журнальному столику президиума, за которым он сидел, поздоровалась: «Яхшымысыз, Булат абый!» Он ответил грубовато: «Яхшымысыз тугел, яхшыман!» Мне стало неловко: он опроверг мой «тюменский» вариант приветствия, исправив его на свой «вагайский» манер.

Перед открытием конференции довольно агрессивно вели себя учителя-пенсионеры, громко возмущались стремлением сибирских татар иметь свой родной язык. Предвидя все это, мой руководитель профессор Д.Г. Тумашева перед поездкой в Тобольск напутствовала меня: «Не говори ничего о политике. Выступай только по научной теме».

После конференции вышел сборник материалов с резолюцией, редактировал которую Б.В. Сулейманов.

Еще запомнилась автобусная экскурсия в Искер. Мы долго шли пешком по полю, горячо обсуждая идеи конференции. На обратном пути Булат вышел из автобуса. Я спросила Анаса Гаитова, почему Булат вышел из автобуса. Гаитов ответил, что у Сулейманова часто болит голова, потому из-за сильных головных болей он вынужден был попрощаться с нами...

В Тюмени я нашла квартиру Сулейманова, он обещал мне подарить карту Сибири XVII века. Хозяин встретил меня в дверях. Правая кисть руки у него была забинтована. Вначале он с удовольствием показал предмет своей гордости – квартиру. («Для писателя самое главное – жильё»). Гостиная, пишущая машинка. Комната отдыха, на раскладушке посапывает гость из деревни. Кухня, на двери которой красуется предвыборный плакат с портретом кандидата в депутаты Булата Сулейманова. В прихожей – маленький столик с телефоном, стул...

Далее Б.В. принес мне серокопированные листы из книги Г.Ф. Миллера «История Сибири». Там и была карта Сибири XVII века, на которой было написано – «татары». Булат сказал, что эта карта – козырная в дискуссиях с начальниками, сидящими в кабинетах...

Где-то через полгода до меня в Казань дошла горькая весть: умер Булат Сулейманов, похоронен в селе Ембаево Тюменского района...

Летом 2003 года мне с группой студентов удалось побывать на летней диалектологической практике в родной деревне поэта. Мы нашли большой просторный дом, где родился и вырос Булат, сфотографировали на память мемориальную доску на бревенчатой стене дома. На дверях висел замок, окна были заколочены досками, усадьба поросла бурьяном и крапивой. Сходили в Супринский Дом культуры, сельскую библиотеку, где работают замечательные женщины. Они бережно хранят память о знаменитом земляке. Студенты и жители Супры, с которыми мы беседовали, пришли к единому мнению: желательно сохранить отчий дом народного писателя Бикбулата Сулейманова для истории культуры татарского народа, создав в нем дом-музей.

г. Тюмень

Раннее летнее утро. Небо ясное, безоблачное. На улице свежо и прохладно. От Иртыша с полными ведрами на коромысле медленно поднимается молодая красивая женщина. Озаряемая ласковыми лучами утреннего солнца, она идет так, словно плывет в волшебной тишине: ни капли воды не выплеснется из ведер. Шаловливое солнышко играет, переливаясь разноцветными бликами то в коралловых камушках мониста на шее, то в туго заплетенных черных косах, то в зеркальных блюдцах чистой воды, которую несет домой молодичка. Естественную красоту и обаяние женщины дополняет белое ситцевое платье в цветочек, ладно сидящее на фигурке.

Подождите, кто это? Э, глупыш, свою маму не узнал, оставил, как коза на новые ворота. Радостно закричав «ма-а-ма-а!», пулей бросаюсь вперед. Бегу, бегу. Остаюсь на прежнем месте, а мама не приближается, наоборот, отдаляется от меня. Собрав все силы, вновь кричу что есть мочи: «Ма-а-ма-а!» Вдруг мама исчезла, слышу сквозь сон настойчивое: «Вставай... вставай ж, говорю тебе!»

Кто-то трясет меня за плечи. А я не могу разомкнуть ресницы: то ли склеились, то ли на веки положили тяжелый камень. Слышу всё, а глаза открыть не могу...

– О, аллах, за что мне такие мучения на этом свете! Хоть бы земля поглотила, избавилась бы наконец. Солнце давно встало, а он все дрыхнет. Только жрать горазд. Арам тамак!*

Проклятья сыплются на мою бедную голову одно за другим. Вскоре цепкие пальцы безжалостно впиваются в мои свалывшиеся длинные волосы, в оттопыренные от природы уши. Вот меня стащили на пол. Резкая боль в ушах наконец помогла разлепить веки. Передо мной, сверкая злыми глазами, словно разъяренная волчица, стоит Курманбика, жена старшего брата Абдуш-ака.** Я низко опускаю голову. Мне стыдно за то, что так бессовестно долго спал, потом никак не мог проснуться. Мне страшно: вдруг она меня прогонит, куда я пойду, кто меня приютит?

Я один. У меня никого нет, кроме неё, жинги***. Отца не стало в самом начале войны. В наш дом пришла черная бумага: «Ваш муж Камиль Янсуйфин погиб геройской смертью в борьбе с немецкими захватчиками». Потом умерла мама. Единственный брат Абдуш на фронте.

Ласковую, милую, улыбчивую Курманбику жинги словно джины подменили. А какая она была раньше добрая, когда брат был дома. То конфету припасет, то пряником угостит. Теперь у неё нет даже времени присесть, поговорить со мной. Жинги на рассвете уходит на работу, а возвращается с заходом солнца. Она так выматывается

за день, что у неё не остается сил ни покушать, ни раздеться. «Сильно устала сегодня, прилягу», – обычно говорит она и тут же засыпает мертвецким сном.

Да разве одна жинги так?! Раньше люди были веселые, приветливые, жизнерадостные, а сейчас? У кого сына, у кого мужа, у кого отца отняла эта война. Многие в эти годы изменились. Даже я уже не прежний Валиш...

Жинги в последнее время стала такой вспыльчивой и раздражительной! Уже два месяца, как перестали приходиться письма от Айбуш-ака.

– Ну, что стоишь как столб? Иди, проводи Маньку на пастбище. Да смотри, чтоб на ту сторону Дувана отвел. На обратном пути прихватишь хворосту, слышишь меня! Печку нечем топить...

Наконец слова Курманбики жинги дошли до меня, я окончательно проснулся. Да я готов выполнить любое поручение! Прикажи мне выкопать иголкой колодец, перетаскать весь Иртыш в решете, все исполню, только не выгоняй меня из дому!

Так ежедневно начинается мой трудовой день. С утра гоню корову Маньку на пастбище. Потом бегу в школу, учусь я в четвертом классе. После школы таскаю из лесу сухие ветки или по поручению бригадира иду на колхозный ток, чтобы погонять лошадь на молотилке. До самой зимы бегаю на подхвате, пока земля не покроется толстым слоем снега.

... Заря еще только занималась. Я выскочил из дому, словно совершил прыжок в ледяную воду. Босые ступни коснулись начинающей замерзать земли. Все мое тело пронзил холодный воздух. Это было дыхание приближающейся зимы.

Я выгнал Маньку из теплого хлева, она послушно направилась в сторону Дувана. Мои старенькие заплатанные штаны и рубашонка не спасают от стужи. Зубы выбивают мелкую дробь, стучат, как маленькие железные молоточки, разбивающие речную гальку. Ногам больно так, словно я иду по колючей проволоке. А в голову лезут нехорошие мысли...

В прошлом году в село приезжал командировочный, он хотел забрать меня в детский дом – хорошо, жинги не отдала. «Валиулла для меня как родной сын», – вежливо сказала Курманбика, провожая нагрянувшего, как снег на голову, непрошеного гостя. Умные слова жинги греют мою душу до сих пор. Но что будет в этом году? Этот дядька вновь приедет, теперь уж точно отдадут, надежды никакой нет. А ведь я из родной Козоклы**** никуда не хочу уезжать.

С поникшей от тяжелых мыслей головой вышел за

околицу. Оглянулся. Серебристую скатерть инея прочертила черная извилистая нить: цепочка следов от моих босых ног и манькиных копыт. Деревня просыпается. В утренней тишине изредка доносится кукареканье, лай собак, мычание коров. Из печных труб некоторых домов вьется жиденькая струйка дыма, незаметно растворяясь в вышине.

Желто-бурые стебли трав, покрытые блеском инея, беспомощно расстилаются по земле. Наконец дошли до пастбища, Манька свободна. Небольшое стадо пасет сельский пастух, который вот-вот должен подойти. Желая хоть немного согреться, взбираюсь на пенек, сажусь на корточки, обхватив руками колени. Пальцы ног стали похожи на скрюченные стручки красного перца, которые росли у мамы на подоконнике в горшке. Зябко, никак не могу согреться, дрожю на своем пеньке, как осенний лист, не успевший оторваться от дерева. От этого места начинается лес, или урман, как говорят сибирские татары. Старые толстые ветлы, как сказочные Алып батыры****, в тихой задумчивости стоят на возвышенностях, словно готовятся отразить нападение неприятеля.

– Солнышко, солнышко, взойди скорей, – мысленно умоляю, протягивая к востоку окаменевшие ладони. О, чудо, оно меня услышало! Пламенные острые стрелы из-за стены дальнего леса устремились в небо. Кажется, там уже вспыхнул большой пожар. И вот, весело смеясь надо мной и моей бедой, медленно выкатывается само красно солнышко. Оно ждало моего приглашения? Зажмурившись, я с удовольствием подставляю лицо теплым лучам. Солнце мягко прикасается к моим щекам, замерзшим губам, нечесаным волосам. Мне показалось, это мама погладила меня по голове. Деревья-великаны тоже встрепенились, обрадовавшись теплу. Наверное, они собрались встречать не лютую зиму, а ласковую весну. Жемчужные искорки инея, сверкающие на солнышке, словно коралловые бусы на шее моей мамы, превратились в капельки прозрачной влаги.

Чу. Кажется идет пастух Айтук-бабай*****. Спиной чувствую его приближение, но поворачиваться не хочется. Положив голову на колени, я сижу неподвижно, вспоминаю маму, последние минуты её жизни...

В тот день я вернулся домой поздно. Отворил дверь, положил вязанку хвороста возле печи. В комнате темно, холодно. У входа стоит деревянная кровать, на которой лежит тяжелобольная мама. Уже много месяцев она сильно кашляет, ничего не ест. Быстро сбегал к соседям за угольками. Сухие ветки вспыхнули в печи, как солома, приятные волны тепла от железной плиты плавном растеклись по всему дому. Засветил «слепую», без пузыря, семилинейную лампу, стоящую на столе. Мрак темноты немного отступил, Оказывается, мама не спала. Удушливый кашель не давал ей говорить, она с трудом произнесла: «Сынок, почему долго?» Сказать маме правду? Целый день с друзьями играл в лесу, ел печеную картошку?

– Мама, поблизости не было сухих веток, мы ходили за ними далеко в лес, – чуть слышно сказал я. Мне было стыдно. Я впервые обманул маму, так не хотел расстраивать.

– Зачем зажег лампу, керосина нет...

– Сейчас... Только сделаю домашнее задание по арифметике, быстро пробормотал я, чувствуя, что говорю не то (раньше уроки всегда выполнял после школы).

Мама, задыхаясь, снова стала надсадно кашлять. Налив из жестяного чайника воды в кружку «пятилетку», я протянул её маме. Мама попила, кашель унялся, но при каждом слабом вздохе что-то клокотало у неё в груди.

– Вот... что-то стоит в горле. Не проходит. Иди, сбегай к Бике-мамай*****. Пусть скорее идет сюда...

Бабушка-Бика была дома. Когда мы с ней прибежали, я уже был круглый сирота... Глаза мамы неподвижно глядели в потолок, изо рта на подушку вытекла тоненькая струйка крови.

При каждом воспоминании о маме память вновь и вновь высвечивает только эту щемящую до слез печальную картину...

Слышу, Айтук-бабай приблизился ко мне, остановился. Тихонько кашлянул, чтобы обратить на себя внимание.

– Сынок, ну что ты так сидишь, почему не идешь домой? Холодно, ты весь посинел уже.

Я не ответил, мне не хотелось расставаться с мыслями о маме.

– Эх, сынок, сынок, была бы жива твоя мама, все бы у тебя было по-другому. Хоть бы эта проклятая война кончилась, о, аллах...

Бабай снял свой выдавший виды бешмет, испещренный разноцветными лоскутьями заплат, прикрыл мои худые озябшие плечи.

– О, всевышний, о, аллах милостливый, – горестно повторил он.

– Была бы жива мама... – тяжело вздыхая, дотронулся до плеча сухими изможденными руками с выпирающими синими жилами.

Не знаю, что произошло со мной... Эти жалостливые слова Айтук-бабая, этот теплый старый бешмет, заботливо накинутый на мои сиротские плечи, так тронули мою сиротливую душу. Горло сдавил комок, из глаз вот-вот предательски брызнут слезы. Как дикий олененок, отбившийся от стада, сиганул с пенька прямо в заросли леса. Не помню, сколько прошло времени, я шел, не разбирая дороги, ничего не видя, продираясь сквозь ветви, царапая лицо и руки, запинаясь о коряги, пока, потеряв равновесие, не упал...

Я уткнулся лицом в кучу мягких опавших листьев и беззвучно зарыдал. Из моих глаз лились слезы накопившихся обид, унижений, горечи; их впитывала в себя старая шуршащая листва. «Мама! Почему тебя нет со мной... Мама! Никому я на этом свете не нужен...мама! Я давно не называл тебя словом «мама»...Мама! Где ты...ма-ма...»

Тихо. Губы шепчут «ма-ма», а мамы нет...

Оперся кулаками о стылую землю, приподнял голову. В лесу тихо. Низкие темные тучи, похожие на тяжелые льдины во время ледохода, плывут в неведомые мне чужие края. Деревья, растерявшие былой летний наряд и красоту, беспомощно покачивают вершинками, слушая мой горестный монолог, стоят, протянув к осеннему солнцу костлявые руки-ветки, словно просят вернуть утраченную молодость. Собравшись с силами, повторил громче: «Ма-а-ма-а!» Никто не откликнулся. Нет мамы. Не услышит мой голос, не поспежит ко мне, не погладит мягкими руками мои волосы, не поцелует мой лоб, мои глаза...

«Ма-а-ма-а!» Гулкое эхо, обогнув все дальние уголки леса, вернулось ко мне ни с чем. Я... вновь заплакал... Нет, я не плакал... я навеки прощался с детством...

Перевела с татарского Ханиса Алишина.

Арам – тамак – (по-русски) дармоед.

Ака – термин, применяемый к старшему брату.

Жинги – жена старшего брата.

Козоклы – ореховая, кедровая.

Алып батыр – богатырь.

Бабай – человек пожилой, старик.

У НАС В ГОСТЯХ ЛИТЕРАТУРНАЯ СТУДИЯ «САМОТЛОР»

Творческая студия «Самотлор» родилась вместе с «Содружеством писателей Нижневартовска». В ней совершенствуют свое мастерство прозаики и поэты различных возрастов, профессий, способностей, но всех объединяет любовь к северу, к России, к друзьям, сослуживцам, желание выразить себя и время, в котором живем.

Илья Полещук – участник войны с Японией, ему 80 лет, а Кристина Тарарина – школьница, Марина Александрова – член Союза российских писателей, а Лидия Журавлева и Анатолий Уваров – врачи. Всего их двадцать человек. Студийцы выступают в школах и перед студентами, участвуют в городских акциях, некоторые издали первые книги.

Два раза в месяц, по субботам, они собираются в центральной библиотеке города, читают новые произведения, обсуждают их – учатся.

Издают газету, альманах.

Выход на страницы «Тюмени литературной» – свидетельство дееспособности студийцев и одновременно экзамен на прочность. Надеемся, что он окажется удачным.

Николай Смирнов,

председатель «Содружества писателей Нижневартовска»

Илья Полещук

БАБЫ

Закатился в позолоту
Лета чистый изумруд,
Бродят бабы по болоту,
Клюкву спелую берут.
Дни безоблачны, бездонны,
Дедушка сидит на пне.
Глухо брякают бидоны
Спелой клюквою на дне.
Дед, о небесах мечтая,
Перелистывает жизнь.
Журавли за стайей стая
Убывают ввысь.
И печально смотрят бабы,
Лето кончилось для них,
Ягод им набрать хотя бы
По бидону на двоих
И еще мечтают бабы:
Им бы крылья вместо рук,
Стали бабы хоть куда бы,
Улетели бы на юг.
Отдохнули бы у моря,
Невиданного досель,
И до старости без горя
Пили б клюквенный кисель.

ЖИЗНЬ ПРОЖИТА

Два букета на столе,
Две кровати в закуте.
Молчаливая луна,
Неподвижна тишина.
В ней усталость, взгляд ничей,
В ней бессонницы ночей.
В ней томленье, в ней и боль,
В ней желанье и любовь
Было, будет и уйдет,
Все забвеньем порастет.
Жизнь одна и смерть одна –
Неподвижна тишина.

Марина Александрова

ГИПЕРБОРЕИ

Милый мой Север,
Старые мхи.
Все узнаваемо.
Ветра аккорды.
Кроны деревьев.
По тропкам глухим
К нам возвращается
Воздух свободы.
Да, это Север.
Камень основ.
Тот, что всегда
Остается на месте.
Все повторяется:
Храм праотцов
Новые храмы
Вознес в поднебесье.
Жизнь продолжая,
Дарила земля
Юных и смелых,
Любимых и мудрых.
Племя, страна,
Поселенье, семья –
Ветер любым
Расшевеливал кудри.
Где вы теперь,
Созидатели дней?
Вы растворились
В народах и странах.
Люлька качается.
Снова над ней
С запахом млечным
Склоняется мама.

Ирина Змановская

ШАХ И МАТ

Есть черное и белое
У всех на этом свете,
И все, что мы ни делаем, –

У них все на примете.
Вся наша жизнь на поле
Сей шахматной игры.
И кто в игре герои?
Герои – это мы.
Но кто кого играет?
Кто слон, кто конь, ладья?
И пешка размышляет:
«Дойду ль до ферзя я?».
Где шах, где мат? Не знаю.
В игре смотрю вперед.
Но мат не прозевая,
А вдруг да повезет.
Пройти через все поле,
Актером в жизни стать –
Вот дело не простое –
Саму себя играть.

Александр Коновалов

* * *

Приходит ночь, и друг за другом
Спешат сомненья, радости и сны,
А в небе подвенечным кругом
Сияют радуги луны.
Многоголосый, ритуальный
Звучит в ночи церковный хор.
Мир небоскребов – мир реальный,
Ручей к ручью – потоки с гор.

Кристина Тарарина

ЖИЗНЬ

И наглая, и скромная,
Скупая, вероломная,
Счастливая, занудная,
Веселая, распутная,
Забываемая, умершая,
Стозвонная, безгрешная,
Тонушая во времени
С слезами и улыбками,

С победами, ошибками.
Сквозь ненависть любимая,
Горяще-негасимая,
И светлая, и добрая,
И черная, и злобная,
И горькая, и сладкая,
Шероховато-гладкая,
Тяжелая, беспечная...
Жизнь... жалко, что не вечная!..

Николай Лысейко

ПОДПОЛКОВНИК ГОГОЛУШКО

Тяжела наука тактика,
Выжимает пот соленый,
Здесь теорию и практику
Проверяют полигоны.
Подполковник Гоголушко
В поле возвращает нас:
«Ориентиры – лес, опушка», –
Взводу отдает приказ.
Так прошли четыре года.
Марши. Стрельбы. Полигоны.
Выпуск отгремел. Свобода.
Лейтенантские погоны.
И в далеких гарнизонах
Чувствуем себя на месте,
Служба всех, как на ладони,
Нет задач, нам неизвестных.
И мы часто вспоминали:
«Ориентиры – лес, опушка», –
Да, не зря вы нас гоняли,
Подполковник Гоголушко!

ШАГНУВШИЕ В ВЕЧНОСТЬ

Навечно в памяти страны
Под Улус-Кертом бой неравный
Той необъявленной войны,
Жестокий бой и – самый главный.
Двадцатикратный перевес.
Две тысячи душманов рвались,
Туман накрыл чеченский лес –
Надежд на помощь не осталось.
Пусть волки молятся аллаху,
Шестая рота насмерть билась,
Сомнений нет и нету страха,
Дорога в вечность ей открылась.
Ни шагу не ушли назад,
Навек десант запомнят духи,
И на себя снарядов град
Вновь вызывал комбат Евтюхин.
И яркий подвига их свет
Хранит крылатая пехота.
Плечом к плечу, берет в берет
Идет незримо с нами рота.

Надежда Ткачук

СЕВЕРНОЕ ЛЕТО

До отъезда месяц,
на руках билеты,
Подгоняя время, по делам бегу.
Снова наступило северное лето.
Кажется, устала... Больше не могу.
Вот бы в томной неге
задремать у моря,
Погрузиться в тайну
южных вечеров.
Только целый месяц,
с этим не поспоришь,
Мне кормить придется
наших комаров.
Северное лето –
жаркое на солнце,

На тепло скупое,
нам не привыкать.
Я-то уезжаю... Тем, кто остается,
Хочется погоды ясной пожелать.

Лидия Журавлева

ВОПРОСЫ И ОТВЕТЫ

Учусь не задавать вопросы,
Учусь не получать ответы,
Учусь тебя благодарить
За то, что преподал мне это.
Душой смотреть, а не глазами,

Не слышать слов –
сердце движенье.
Вот лучше всех на свете слов
Заветных мыслей отраженье.
Мне многое понятно стало,
И жизнь моя течет спокойней.
А жизнь, как благо принимать,
Без лишних слов –
чего достойней?!

Юрий Шуганов

СМОТРУ Я НА ТЕБЯ

Будет утро.
Роса упадет на траву.
Я заброшу свой взгляд
в облака, в синеву.
И прольется ручей
золотистых волос –
Вместо слез.
И по сердцу протянет мороз.
Ты мне скажешь:
– Любимый, тебя уже нет.
Не грусти!
И забудешь
последний мой стих.
Просыхает листва.
И травинка уже
Разогнулась под солнцем,
Укрыла твой след.
Я смотрю на тебя,
Все грустней, все нежней.
Я смотрю на тебя...
А тебя уже нет...

Минзифа Шарифьянова

ЭКСПРОМТЫ

Услышишь ласковое слово,
Какой-то маленький пустяк,
И кажется, что все не так,
И хочется начать все снова.

* * *

Беды проходят, чувства тоже,
Но чувство долга никогда!
Долг он, как чистая вода,
Сверкает доблестью всегда,
Един на долгие года.

* * *

Мне не нужны чины и званья,
Богатства, деньги и почет,
И только муза мне желанна,
Она – души моей полет.

Пламень литературная

У нас в гостях ЛИТЕРАТУРНАЯ СТУДИЯ «САМОТЛОР»

Светлана Балаутдинова

СИНЕОКАЯ ЛЮБОВЬ

1.
Легкой походкой,
Стуча каблучками,
Я вновь незнакомкой
Пройду перед вами.
Пусть сердце напомним
О прежней любви,
Что у нас было,
Все позади.
На взгляд обжигающий
Вам не отвечу,
Пройду улыбаясь,
Я вас не замечу!

2.
Пусть целует тебя другая,
Но целует не так, как я,
Сердце знает, она чужая,
Ты обнимешь ее не любя.
Пусть вино заискрится в бокале,
Не поможет оно, не спасет.
Лишь душа, разрываясь на части,
Мое имя тебе назовет.

Вера Кулешова

НЕДОПИСАННАЯ СТРАНИЦА

Не вернуть и не вернуться,
Позабить не вмоготу.
Лучше в омут окунуться
И не слышать немоту.
Не простить и не проститься,
Шаг за шагом делать грех –
Осуждающие лица
Перечеркнутых надежд.
Боже, слышишь? Не одни мы
Обращаемся к тебе.
Как влюбленным разобраться
В перевернутой судьбе?
Улететь? Уехать! Скрыться!
От себя? От них? От нас?
Не дописана страница
Вот уже в который раз...

Альбина Кошкарева

ДРУЗЬЯМ

Что значит жизнь?
Ты жив, покуда
Надежда теплится в груди,
Пока надеешься на чудо,
На свет, блеснувший впереди.
Страдаем, любим, как и прежде,
Друзьям тепло души даря,
И умираем мы в надежде,
Что все же прожили не зря.

Шюмень литературная

Марьям Мамедова

* * *

Рано выпал снег,
Как сахарная пудра
На траву,
Как ранняя седина
На голову.
Это есть суть времени
И надежды на перемены
Погоды и жизни.

Нина Лексина

СОКРОВЕННОЕ

Розовый куст
у подножия яблони тихой,
Аромат колдовской
от диковинных роз,
Чу, запел соловей – да так лихо!
С веток хлынул поток
росных слез...

Отчего-то в груди
сердце бьется горлицей,
Вдруг повеяло грустью
с окрестных полей...
Ты в родимом краю,
как залетная птица,
Как вернувшийся вновь по весне
соловей.

Не гляди же с тоской
в омут звездного неба,
Пусть не манит тебя дальний край.
Здесь родная земля!
Запах спелого хлеба
Да цветов луговых
заколдованный рай!

Валентина Мальшева

ВСЕГДА МОЙ

Когда захочешь тихой жизни,
Когда устанешь от дорог,
Приму тебя без укоризны,
Шагнувшего через порог.
Я не спрошу, где был так долго,
Я не спрошу, кого любил,
И в сердце не кольнет иголка,
Ведь ты моим все время был.

Виктор Бахтин

УЧИТЕЛЬ ГОДА

Каков он, учитель года?
Он добр, умен, несуетлив.
Он грубого не скажет слова,
Спокоен, вежлив и красив.
Он – человек большого сердца,
Своей работой увлечен,
Он не ударился в коммерцию,
Одной лишь школе верен он.

Взвалив судьбу детей на плечи,
Всегда он верен одному:
Ведет он души человечьи
К познаниям, счастьем и добру.

Меня Терехова

СНЕЖИНКА

Робкой, потревоженной пушинкой,
Кружится над городом снежинка.
Ниже, ниже,
Кругом, прямо, криво.
Ах, до чего ж она красива!
Я люблюсь и уйти не смею.
И не знаю, что мне делать с нею.
Вот сейчас она, сию минуту,
Упадет на воротник кому-то.
Я тянусь к ней теплою ладонью.
У меня тебя никто не тронет.
Но в ладони долго ль до беды –
Крошечная капелька воды.
Я надеялась спасти тебя,

снежинка,

А держу в руке – слезинку.

Светлана Светлая

СУДЬБА

Подарила мне судьба красивого
Впопыхах, наверное, нечаянно...
Ну, а я, чудило неоглядное,
Полюбила, еще как отчаянно!
Не старался милый
мне понравиться,
Стебелечком все клонил
на сторону,

Мы потом все радости и горести
Разделили меж собою поровну.
На машине укатил мой суженый –
Праздник праздновать
с другою милою.

Мне оставил мальчика
смышленого,
Нашего сыночка ненаглядного.

Виола Аракелян

ВОПРОС

Я то люблю, то ненавижу.
То я слепа, то снова вижу.
Я не могу понять себя
И что ты значишь для меня.
А может, я тебя люблю
И взгляды все твои ловлю?
А может, вовсе все не так
И в мыслях тот же кавардак?
Мне б разобраться поскорей,
Я б стала чуточку смелей,
И я бы точно поняла,
Что есть любовь, а что игра.

Габидула Мирзаев

ПО ЗАКОНУ ГОР

Из повести «КРОВНАЯ МЕСТЬ»

– Нет? Может, ты забыл, что он наш кровный враг? А может, ты еще и подружился с ним, и он подарил тебе коня? Ну-у, чтобы приехать тебе в отцовский дом с позором? И все-таки, Ибрагим, ты не скажешь нам, как эта лошадь оказалась под тобой? Ты действительно не убил его? А как тогда ты забрал эту лошадь? – наседали Муса, сверля взглядом. Холодок пошел по спине Ибрагима – как? Он провел ночь в доме кровного врага? Вот почему тот уклонился от ответа. А ведь я рассказал ему все, и он знал, кто я. Тогда почему он не убил меня? Боялся расплаты? Так ведь никто не знал, что я у него, – мысли молнией пронеслись в голове.

– Я не знал, кто он. Он дал мне его, чтобы я быстрее добрался до вас. Просил отпустить его. Конь знает дорогу домой, – уже твердо и спокойно ответил Ибрагим.

– Ну, нет! Коня теперь живым он не получит, – с какой-то дикой злостью прошипел Муса, подойдя к животному и доставая карабин Ибрагима из седла. – Я убью эту лошадь – и это будет мой первый ему «подарок». Пусть знает, что месть ждет его, – он направил ствол ружья в голову животного. На его скулах заходили желваки, побелевшие губы скривились в ухмылку.

Ибрагим резко поднял ствол ружья вверх, и в тот момент прозвучал выстрел. С силой дернув карабин на себя, он отнял его у оторопевшего Мусы. В следующее мгновение, вынув кинжал из-за пояса, Ибрагим, одним движением перерезал поводья, которыми был привязан к дереву скакун. Почувствовав свободу, конь исчез также быстро, как и появился здесь вместе со всадником. Выстрел, прогремевший над ухом, пришпорил его.

Держа кинжал в одной руке, указательный палец другой руки на спусковом крючке карабина, Ибрагим принял «позу волка», затравленного собаками. Дерзкий поступок брата-пришельца вызвал оторопь у родни. Они ждали объяснений.

– Клянусь Аллахом! Могилами наших предков! Памятью наших родителей! Никому! Никому из вас я не позволю топтать мое имя в грязь, – произнес Ибрагим. – Рука моя не дрогнет пустить пулю в того, кто последует за конем. – И в подтверждение сказанного он выстрелил под ноги Мусы. – Я должен поступить также достойно, как и он. И скажу еще одно – он не трус и не убил меня не из-за трусости. Кровная месть – это обычай гор, я его уважаю. Но есть и другие законы – гостеприимство, исполнение долга и мужская честь. Без всяких там подлостей. Что же касается меня, то... запомните – я всегда постою за себя и поставлю на место любого. Муса, уйди с дороги!

Юрий Шуганов

СЕМЕЙНЫЕ БУДНИ

Рассказ

«Люблю только Мишу!... – шептала она, – только Мишу!». Каблучки быстро отстукивали по тротуару. Поздние машины выхватывали из темноты ее тонкую фигурку и тень, скользящую рядом с ней. «Дрянь! Какая я дрянь!» Лицо жарко горело, сердце часто-часто постукивало, но в груди было холодно.

Входя в подъезд, Жанна споткнулась, и слезы навернулись на глаза. Муж открыл ей дверь, повесил плащ и быстро вернулся на кухню. «Ужин готовит, – подумала, – а я!» ... И тут горячая волна ударила в голову. «А что если заметит?!» Жанна тихонько дохнула в ладонь и понюхала. Затем быстро подошла к аптечке и, накапав сердечных капель, проглотила их терпкую неприятность.

«Как я хочу есть! – сказала, входя в кухню. – Спасибо!». Миша, улыбаясь, сел рядом. Но есть не стал, только налил себе чаю. Пришлось выдерживать его пристальный любящий взгляд.

Когда Жанна, помывшись, нырнула под одеяло, Миша тихо обнял ее. Провел по волосам. Дотронулся губами до щеки. Жанна резко повернулась к нему, крепко-крепко сжала руками, слезы безудержно закапали на спину мужа.

– У нас все получится – и сегодня, и завтра, и послезавтра, – горячо шептала она, покрывая Мишу поцелуями.

– Твои капли пахнут портвейном, – пошутил он, и Жанна крепко прижала свой рот к его губам...

Утром, как обычно, Миша разбудил ее после того, как будильнику длиннейшим звонком этого сделать не удалось. Прибежал Юрочка из детской и свернулся клубочком в теплой родительской постели.

Миша поднял пятиклассника Сашу, довел его, полусонного, до ванной, поставил чайник на плиту и начал делать зарядку. Жанна бродила по комнате разбитая, вялая. Ничего не хотелось. Ноль желаний. Сполоснула холодной водой лицо, выпила чаю и уселась перед трюмо наводить красоту. Миша, поцеловав ее, ушел на работу вместе с Юрочкой: тому надо было тоже рано в детсад. Жанна вяло сняла хлебную крошку со щеки после Мишиного поцелуя и уставилась в зеркало.

– Ничего я его не люблю! – спокойно сказала себе. – Ну добрый, ну хороший, ну ласковый. Зато толстый, маленький и ноги кривые. К тому же лодырь. Ни одна дверь в квартире толком не закрывается. Ковры висят криво, ножи тупые. А он сидит, вечно своей хоккей...

Она подошла к шифоньеру и стала перебирать платья. «И надеть-то толком нечего! На работу стыдно показаться»... Села на пол и заплакала. Стало так жалко себя, так жалко. «Ведь мне уже за тридцать! Скоро и жизнь моя женская облекнет ... А я?» «Что я?!» – Жанна решительно начала одеваться. На работу все же надо вовремя. Сан Саныч не одобрит.

...Вечером показывали хоккей. Миша, конечно, торчал у телевизора. «Опять картошка! – подумала она, проходя на кухню. – Хоть бы мяса купил». Она с ненавистью сняла с горячей кастрюли крышку и, ожегшись, с грохотом швырнула ее в раковину. В кухню заглянул Миша.

– Ну что? Что еще?! – скривилась она. – Ничего не случилось – просто крышку уронила. Иди, иди, наслаждайся своим футболом!

– Хоккеем, Жанночка!

– Да иди ты со своим хоккеем, знаешь куда!...

Миша обиделся и ушел на балкон курить.

– Закрой балкон – дым все равно весь в квартире!

Мальчики тихо играли в детской. Она вошла к ним, проверила дневник у Саши и уложила обоих спать. Самой ложиться не хотелось. Жанна с ужасом думала, что вот опять ночь, а день пролетел впустую. Обычный будничный день с его обычной будничной суетой.

– И так всю жизнь!.. – она тихонько застонала. – Что же делать? Что делать?

– Мы будем сегодня спать? – спросила она Мишу, по-прежнему созерцающего телевизор.

– Последний период! – раздраженно ответил тот. – Потерпи еще двадцать минут. И она стала терпеть. Терпела целых пять минут. Потом сбросила одеяло и демонстративно выключила телевизор. Когда она улеглась снова, Миша вновь включил телевизор, лишь убавив громкость. Жанна вне себя вскочила с постели и за шнур выдернула вилку из штепселя. Телевизор громко вскрикнул и утих. Миша, ничего не сказав, снова ушел на балкон курить. А Жанна долго ворочалась в пустой постели и плакала, плакала. «Ненавижу! – шептала она. – Присосался к моей жизни, как клоп. Не оторвешь! Куда я теперь с двумя детьми! Куда? Она представила себе другого – высокого, стройного, умного, настоящего мужчину. Как тот уверенно берет ее под руку. Какой он сильный: в его объятьях чувствуешь себя пушинкой, словно девочка на руках отца. Но ведь ничего не изменишь. Ни-че-го! «Жизнь невозможно повернуть назад, – звучала в ушах знакомая песня, – и время ни на миг не остановишь!» Вот именно: «Не остановишь, не повернешь».

Как громко стучат часы! Где же Миша?

Скрипнула дверь. Ага! Ходил просвежиться. Переживает. Все-таки добрый он, может, я зря его обижаю. Он-то в чем виноват? Любит же меня!..

– Хорошо, когда тебя любят. Пусть даже такие... Она попыталась подыскать определение, но не сумела.

Под утро проснулась оттого, что ее ласкали. Она долго не открывала глаз: не хотелось ни прерывать дрему, ни эти легкие, почти отеческие ласки. Вдруг в ней стремительно стала просыпаться женщина. И она, уже ни о чем не думая, прижалась всем телом к горячему телу мужа... «Прости меня, Мишенька, прости меня – дуру!... Я буду другой, я изменюсь, честное слово!... Ты же знаешь, я так тебя люблю!»

ВОЛШЕБНЫЙ КРУГ

1

– Сейчас мы едем в город! – сине-сине посмотрев на меня, сообщает Плотников «новость», будто и не уславливались ранее о поездке. – На моей машине, предупреждаю! По-испански говорится так (говорит по-испански), а по-русски – в этой машине, гудит всё, кроме гудка. Звякает, тарыхтит. У нас может испортиться мотор, сгореть или лопнуть шина, выпасть какая-нибудь автомобильная часть. Ну и так далее. Так что будьте готовы... толкать!

Киваю. Видел его авто. Не шик. Но предупреждение, в знак хорошего настроения, явно гиперболизировано.

– Готов толкать, Борис Евгеньевич! – отвечаю весело.

– Какие у нас планы? Мы поедем сперва к отцу Павлу. Он просил меня вчера заехать и взять одно письмо из Аргентины, в котором аргентинские православные обращаются ко всем православным Южной Америки, чтоб отказаться от единения с Московской патриархией...

– ???

– Да, да, знаю, ваш президент Путин проявляет усилия объединиться с русской Заграничной Церковью. Но наша публика разделена. Откровенно говоря, я был «за». Но все время мне дают аргументы, которые переводят меня в другую компанию... Я и отцу Павлу говорю: у аргентинских православных 30 пунктов «против», но найдите мне один-два наиболее убедительных! В письме, отвечает отец Павел, они есть. Первый: Московская патриархия до сих пор находится в стадии «сергианства». Помните, митрополит Сергей писал советскому правительству: «Ваши радости, наши радости!». А потом Советы почти всю православную церковь в СССР уничтожили. Далее. До сих пор Московская патриархия не признала, что это было ошибкой, грехом. Второй пункт: Московская патриархия находится в совете церковей экуменистического движения! Ну, это ж северо-американская, штатовская затея – объединить все церкви мира. Ересь. И вот когда Московская патриархия покончит с экуменизмом, можно вести речь об объединении... Всего два пункта, они главные! Я дам вам копию письма. Напечатаете у себя – в своей газете?

Волков провожает нас до машины. Влазим (именно) в битый-гнутой, с прилипшим куриным или голубиным пером на капоте, «шевроле», со скрежетом хлопая дверцами.

– Слушай, Георгий, – говорит он уже из машины Волкову, – опять ты мне компресс на зуб пожалел...

Провожающий смеется:

– Ладно... Успеется еще!

«Шевроле» рвет с места азартно. Чую, мотор у машины еще будь здоров! И также азартно едва не сталкиваемся на первом же перекрестке с блистательной «иномаркой».

Тормоза визжат. Но разогнаться мы еще не успели – это слава Господи! «Иномарка» тоже впечаталась в дорогу, замерла. Оба авто разделяют – ну, сантиметры. Но – никаких действий: ни бурных выкриков водителей, ни упреков. Переводим дух, мотая головами. Испугаться я не успел. А Плотников тихо произносит:

– Да-а, тут бы и завершилась наша поездка...

Дальше, разъехавшись, какое-то время движемся молча. И пока молчим, хочу рассказать читателю «историю» хозяина «шевроле», «тоже странного типа», как шутит Волков, а если всерьез, то редчайшего человека из русских, каких, пожалуй, на всем белом свете осталось немного...

В Каракас Плотниковы прилетели на американском военном самолете с двумя чемоданами, без копеек и без знания испанского языка. Как и большинство русских.

Первым их жилищем была самодельная хата без электричества, без воды, с земляным полом, который каждый вечер, как в Сербии когда-то, красили желтой глиной. Борис устроился чертежником, на первые деньги купил две пары жердей и на приобретенном в кредит участке, на склоне горы, построил кривую хату, то есть четыре кола – в землю, на стены и потолок бросовый материал – куски фанеры, жести, пальмовые ветви, бамбук... По вечерам в хату набивались гости-эмигранты и при свете керосиновой лампы пили жидкий чай, заваренный из местных пахучих трав. Никто ни от кого не зависел, верили беспрепятственно в Бога и в светлое будущее на латиноамериканском материке, которое всех эмигрантов ждало не за горами.

В те далекие «былинные, героические времена», как называл их много позднее в своих записках Плотников, Венесуэла была дикой и неразвитой страной, тропические болезни косили людей, которые вымирали целыми деревнями от желтой лихорадки, малярии, проказы, чумы.

Едва обжившись в кривой хате, едва Борис успел заменить тростниковую крышу на жестяную, его отправили в горы на борьбу с бушевавшей в стране заразой. Это был своеобразный экзамен, сдав который, он мог рассчитывать на продвижение по службе. Ему дали деньги, план работ и грузовую машину. И он, распрощавшись с молодой женой, которая ожидала рождение двойни, поехал в неизвестность, в джунгли, строить госпиталь по борьбе с эндемической чумой. Его домом стала палатка, переводчиком – маленький русско-испанский словарь, оружием – большое острое мачете, то есть длинный специальный нож, необходимый для продвижения по джунглям.

Его высадили на возвышенной местности, на прогалине дремучего леса, оставили одного. Едва успел поставить палатку, как всё накрыла непроглядная тьма. О сне и речи не было. Он развел большой костер, загородясь его пламенем от возможных гостей, которых не видел, но чувствовал, что они совсем рядом, слышал их голоса, таинственные шелесты во тьме. Обезьяны рычали, как тигры, а тигры молча таились совсем рядом. Пищали и возились крысы, виновники эпидемий чумы, за ними гонялись – на этот раз союзники человека – змеи. Неизвестные большие ночные птицы пролетали над костром, охотясь за жуками и бабочками. Из густых лесных дебрей шли воинственными вереницами маленькие и крупных размеров муравьи. Палатку Плотников поставил неудачно: по его нетронутой «кровати» проходила столбовая дорога одного грозного муравьиного полчища. Но он не рискнул затеять войну с муравьями, уступил им свое ложе в палатке, а сам лег поближе к костру. И как в таких случаях пишут, стал слушать сказку окружающего густого тропического леса. Под рукой было мачете, а горящими пальмовыми ветками он очертил вокруг себя волшебный круг, который и охранял его от диких зверей и прочей нечистой силы в виде ужасных ядовитых пауков, змей и летающих чудовищ с острыми плотьядными клювами...

Думы, размышления соседствовали так плотно с тропической этой «сказкой», что порой казались не вчерашними, а совсем далекими годы закордонной жизни в Европе. Самой родины своей, России, он не видел, если не считать его годовалого возраста, в котором оказался с родителями в сербском Белграде. Туда, буквально на штыках красных, была выброшена семья полковника Генерального штаба Георгиевского кавалера Евгения Борисовича Плотникова. Таковой была судьба приверженцев «белой идеи», в большинстве своем людей стойких, трудолюбивых. И русские поняли, что спасти их может только труд. Полковник за-

нялся изготовлением мороженого, сам продавал его на улице. Жили в хате с земляным полом, без электричества, но держали чистоту и порядок. Каждый день жена русского полковника, бывшая помещицья дочка, красила «пол» в хате раствором мокрой глины. К вечеру «пол» подсыхал. Она зажигала керосиновую лампу, на свет которой наносили вечерние визиты русские друзья, поедая оставшийся непроданным полковником товар...

Товар этот приносил доходов мало, полковник разорился, бросил свою «фабрику» устроился топографом в городском управлении. И дела вскоре пошли успешно. В достатке зажила вся семья русского офицера. Самое главное – обзавелись добротным собственным домом. Бывшая помещицья дочка наладила птичью ферму на пять тысяч цыплят. Выращивала дюжину свиней, наполняя колбасами и окороками кладовую. Развела виноградник, по осени снабжая отличным виноградом еще и семьи других не столь преуспевших русских эмигрантов...

Не об этой ли благополучной жизни в Европе вспоминалось тогда еще тридцатилетнему Борису Плотникову среди ночных джунглей – в соседстве разного рода устрашающих гадов и хищных зверей, таившихся поблизости – за горящим кругом из пальмовых веток?! Возможно. Но я не утверждаю, а пишу предположительно, поскольку что-то ж должно было вспоминаться в джунглевой ночной жуте!?

Скажем, наступление Красной Армии в конце Большой войны? Ждать хорошего от красных бывшим белогвардейцам было нечего. Собрав самое необходимое из пожитков, Плотниковы переехали из Сербии в Германию, в Мюнхен. Еще раньше туда уехал Борис, он, после выпуска из кадетского корпуса вице-унтер-офицером, уже заканчивал учебу на архитектурном факультете Мюнхенского университета. Полдня учился, а вторую половину дня работал чертежником, зарабатывая на пропитание. В Мюнхене он женился на русской девушке, и к концу войны у них родилось двое из четырех сыновей...

Ясно, на какой стороне стояли бывшие белые офицеры, а также их дети, родившиеся и воспитанные вдали от России. Отцы помнили о присяге русскому императору, советскую власть считали безбожной, силой навязанной русскому народу. Потому в 1920 году, не сложив оружия, ушли в неизвестность за рубежи Отечества. Начало войны Германии с Советским Союзом им казалось началом освобождения родины от безбожной власти. Они помнили и заветное последнее Главнокомандующего белой Русской армии генерала Врангеля: «Хоть с чертом, но против большевиков!» И Германия не казалась им по началу чертом. Но не оправдала надежд... Плотниковы вновь бросили свой дом, оставив в Баварии могилу матери, перебрались в Южную Америку – подальше, как говорил мне еще при первых встречах Борис Евгеньевич, «от триумфально наступающего прогрессивного социализма...»

...Рано утром он выкупался под ледяной струей близкого водопада, сварил себе крепкого чая. Подошел местный популярный абориген, его первый рабочий.

Построив госпиталь, Плотников отправился на борьбу с комарами (малярией) на берега большой бурливой реки, потом на борьбу с улитками (билярсией) на полях сахарного тростника, потом на борьбу с обезьянами (желтой лихорадкой) в высокогорных джунглях.

Через год он стал опытным землепроходцем-путешественником по горным и равнинным дорогам Венесуэлы. Работал на берегах полноводного Ориноко, на скалистых уступах снежных Анд, меж нефтяных вышек жаркого Маракаибского озера. Исходил всю страну вдоль и поперек. Заработал деньги и свою первую хату-развалюху поменял на просторный дом в Каракасе, который построил

собственными руками, обустроивая-доставляя – вплоть до нынешних дней...

Едем, тарактим, погромыхивая погнутом, потому неплотно прижатом капотом мотора. Но зря Борис Евгеньевич уничижительно говорил о своем колесном транспорте. Авто его силен, скорость развивает, что надо, а без скорости нечего делать в летящем потоке автомобилей, лететь иль торчать в «пробках», а затем опять «рвать когти» в новом оглушительном стремлении вперед...

Да, признаюсь водителю, что знаю о венесуэльских «делах» его в общих чертах. В кадетском Бюллетене, который Плотников составляет и редактирует, помимо своих «вечных» строительных дел, постаревшие русские мальчишки-кадеты больше вспоминают свое сербское прошлое, свои корпуса, преподавателей, незабываемое, светлое, что помогло им выжить на чужбине...

– Слушайте, Николай Васильевич, – говорит постаревший мальчик-кадет, – я человек скромный, не хочу хвалиться, но я, знаете, на половине Венесуэлы построил убогие для крестьян. Крестьяне здесь были все поголовно больные и «делали» в кусты. Ливнями это смывалось в речки, заражая их билярсией. А чума? Она от блох, которые живут в травяных крышах хижин. По ночам блохи сходили вниз, кусали обитателей хижин, заражали болезнью – мальчадос. У людей появлялись аномалии с сердцем. И деревья вымирали полностью. От малярии, от мальчадос, от билярсии и так далее... Сейчас в Венесуэле нет ни того, ни другого, ни третьего. Я боролся с заразой пятьдесят лет. Даже работал в больнице для прокаженных. Главный доктор больницы мне говорил: успокойтесь, проказой трудней заболеть, чем туберкулезом! Доктор увидел у меня болячку на ноге, сказал: надо лечить! Если, мол, эта болячка сама пройдет, то появится другая болезнь, а она неизлечима! И вывел болячку. До сих пор у меня шрам на ноге...

Да... Но я уже притерпелся к тому, что мои венесуэльские русские как-то очень мило и неожиданно умеют переходить от «низменных» житейских тем к патетическим речам, как бы не замечая сей высокой тональности – при тосте ли в застолье, иль за рулем авто, «в котором гудит все, кроме гудка...»

– Так вот! – сказал Плотников, когда подвернув на минуточку к отцу Павлу, забрав у него «важный документ», подруливал он к возникшей на пути бензоколонке. – Оглядываясь на пройденный путь, дорогой мой, я не жалею ни о чем. Все, что уготовила судьба, я принимал без ропота, не унижаясь ни перед кем. Иногда я нуждался, но никогда ни у кого не просил денег... Кстати, вы заметили, у вас я не попросил ни боливаров! Шучу... И – ни одного дня я не провел в безделье. Я широко пользовался свободой всю мою жизнь и считаю эту золотую свободу самым большим даром, который получал на этой земле. Сожжение по этой прекрасной стране Венесуэле было для меня всегда чем-то новым, захватывающим, интересным. Без излишней скромности скажу, дорогой сибиряк, что я сделал своими руками за восемьдесят шесть лет жизни много, и единственно о чем сожалею, что сделал это не для России, а для чужой, хоть и ставшей мне близкой страны.

2

– Сколько залили в бензобак и сколько заплатили? – спрашиваю у Плотникова, когда он, вырливав в кипящую зеленью улицу, рассчитавшись со служащим бензоколонки, что был в популярной у местных рабочих людей красной футболке и такой же пламенной кепке с большим козырьком – в отличительных «знаках» сторонников президента Чавеса.

– Залил шестьдесят литров, заплатил четыре тысячи боливаров. А что интересует?

– То есть за полтора американских доллара – шестьде-

сят литров! Так это ж коммунизм, Борис Евгеньевич! Слава Чавесу и спасибо ему за нашу счастливую жизнь!

– Против коммунизма, дорогой мой, у меня стойкий иммунитет...

Ладно. Я и не оспариваю, знаю. Помнится, как еще в первый мой проезд и гостеванье в Каракасе Борис Евгеньевич этак легонько, но язвительно «отчитал» меня за то, что я печатаю в своей «Тюмени литературной» портреты Сталина. На что я заметил собеседнику, что, мол, да, печатаю, но и портреты Николая Второго – тоже: русская история, куда денешься!

Сейчас мы едем к одному из трех сыновей Плотникова Сергею. (Самый старший, Саша, еще юношей трагически погиб – разбился в горах на дельтаплане. Давно оплакан). Говорю читателям заранее, что Сергея мы дома не застаем. Но подчеркну одну деталь. Во дворе богатой усадьбы доктора Сергея Борисовича – семь автомобилей лучших марок. И, как память о юности, сохраняется старенький «фольксваген», который отец купил сыну еще в пору его студенчества.

А Плотников старший продолжает сыпать информацией, как-то, на мой взгляд, небрежно следя за дорогой:

– У меня в доме когда-то была большая семья – шесть человек. Сыновьям мы дали высшее образование. И теперь, учитывая невесток, у меня в ближней родне только – пять докторов. У меня хорошие отношения с невестками, но я вам скажу, что мы обращаемся с невестками по совету одной шутиливой немецкой пословицы, которая «советует» соблюдать правило трех букв «ш».

– Это как?

– Есть три глагола немецких – швайген, шенкен и шлукен. То есть, – молчать, глотать и дарить.

– Понял!

– Сыновья у меня взрослые и хорошо обеспеченные, но я помогаю им до сих пор. Сергею, к которому едем, я построил дом. Конечно, не на мои деньги. Но я был на стройке прорабом. За две недели расчистил на кромке горы площадку под строительство. И за полтора года возвел ему прекрасные хоромы... Будете у меня дома, а мы заедем, увидите второй этаж, который недавно построил для работы Андрея. Он специалист по компьютерной технике, содержит в доме у меня свой офис. Дела у него идут успешно.

Сын Петя женился на венгерке. Эта венгерка, зная, что Петя очень привязан к матери, увезла его за тысячу километров от нас, работали на бразильской границе. А сейчас живут от нас за триста километров. Город Пуэртолакрус. На берегу моря, напротив островов Маргариты. Туристическое и очень жаркое место Венесуэлы. Петя имеет там свой зубо-врачебный приём. Недавно он гостил у меня и говорил: «А я сейчас перестал делать пломбы! Делаю только вставные челюсти и мосты. Один зуб на этот мост стоит миллион боливаров, то есть около пятисот долларов. Пациентов немного, один-два в день, но они мне помогают содержать дом и врачебный кабинет...»

Да, повторюсь, у меня пять врачей: Сергей, Петя, их жены и мои внуки... Пять докторов! А мне нужен бы сейчас один специалист по банкам, понимаете! Вот к Андрею часто приходит бухгалтер, который ведет его финансовые дела. Я угощаю его кофе. Когда он остается на целый день работать с документами, кормлю его обедом. И всегда говорю этому бухгалтеру: слушай, дорогой, ты у меня кофе пьешь? Да. Ты у меня обедаешь? Да. Я к тебе хорошо отношусь. Так вот, я от тебя прошу и даже требую: когда найдешь мои документы банковские, переставь запятую на моем счете направо на одно место, не меняя ничего. У меня там 20 000, ты переставишь запятую, будет 200 000. Ну разве это трудно? Но ничего этого не делает, негодяй! Обедает, кофе пьет...

– Шутка?

– Ну, конечно...

Надо заметить, что и серьезные наши разговоры и шутки совершаются на ходу. В движении. Каракас замечателен тем, что перерезан широкими автострадами. Почти нет светофоров. И – почти никаких регулировщиков, как в России, как в европейских странах. Так что здесь любому водителю надо держать ухо востро и на летящей, грохочущей автостраде не зевать и, конечно, иметь приличную скорость...

Петляем по улочкам и улицам, проезжаем ту часть города, которая называется Ла Тринидад. По-русски – троица. Здесь, в двух кварталах, находится дом Плотникова, в котором он живет около пятидесяти лет. Сообщает попутно мне «маленькую деталь»: все строительство тогда, включая стоимость участка земли, обошлось ему в 200 долларов, что несравнимо с нынешним днем. Теперь пришлось бы выложить больше восьмидесяти миллионов боливаров. Да, понимаю, это большие деньги, как я уже научился понимать, повращавшись в жизни современного Каракаса.

– Замечу вам, сибиряк, я все годы жил в своем доме бесплатно. До сих пор не плачу ни копейки. А если б жил в квартире, то нынче стоял бы на главной площади улицы Франциско де Мирандо, просил бы милостыню.

– С вашим-то трудолюбием – милостыню?!

Едем по городским кварталам, места эти в давние теперь уж времена занимали апельсиновые рощи. Какой-то хваткий предприниматель купил эти апельсиновые гектары, разделил на участки и продавал под строительство домов. Рощи, понятно, пришлось вырубать поселенцам, даже раскорчевывать, распахивать землю. А земля-то гористая. С камнями и камушками! Плотников вспоминает, что он в ту пору взял на службе заём, купил участок и начал строить свой дом, выплачивая заём в течение пяти лет...

– Я строил дома всем русским эмигрантам. Было много и других заказов в Каракасе. Прошли годы, у некоторых дома эти еще стоят, а другие свалились...

– Ужас! – восклицаю я, не подозревая подвоха. – Под гору?!

– Да нет, ни у кого не свалились, я опять шучу. Но не все мои дома были успешными. Я строитель, но строитель плохой. Если бы я был хороший строитель, я бы жил сейчас в Швейцарии, а не в Венесуэле... Вот информация для размышления. В Каракасе было три семьи Федоровых. Одну семью называли Федоровы-богатые, вторые Федоровы-бедные, третий – Федоров с дыркой. Третьему сделали операцию на горле, вставили в дырку трубочку для дыхания. Так и жил. Про богатых, про бедных все и так понятно, не объясняю. Но к чему разговор? Еще жили в Каракасе две семьи Плотниковых. Один был Плотников-дурной, а второй был Плотников-бедный. Так вот дурной – это был Николай Плотников, мой однокашник по кадетскому корпусу в Сербии. Он хоть и старше меня был лет на восемь, но действительно – дурной. Я продал ему свой первый автомобиль, а он до сих пор не заплатил мне ни копейки!

– Не такой уж дурной, правда?

– Он давно умер, но остался еще третий Плотников, его брат. Ну а Плотников-бедный – ваш покорный слуга. Вы знаете – что? Вы должны понять, что иметь семью с четырьмя маленькими детьми – сложное дело. Ботинки покупать нужно было сразу шесть пар. Когда ребята подросли, я купил им велосипеды. Сразу четыре велосипеда. И всё – в таком вот духе! Поэтому я всегда был без денег. И теперь по сравнению со многими русскими венесуэльцами я бедный... Конечно, если сравнивать с первыми годами жизни в этой стране, то никакого сравнения нет. Но все же... Тогда наша русская эмиграция была встречена в

На улице старого Каракаса

Каракас. Кадеты Венесуэльского объединения.
Слева направо: Б. Плотников, Ю. Ольховский, Г. Волков, А. Легков, Н. Хитрово

Венесуэле с большим радушием. Все было очень дешевое – продукты, одежда, строительные материалы. Работы хватало всем русским, нас ценили, приглашали в фирмы, поскольку местная венесуэльская публика с ленцой была. Она и до сих пор такая. Так что в те золотые года мы могли быстро встать на ноги.

Поначалу несколько месяцев я работал чертежником, чему был обучен в университете на архитектурном факультете. Вот чертежником я был хорошим, в Европе работал в германской строительной фирме. Но я всегда хотел не чертить, а строить! И устроился в Министерство здравоохранения по постройкам. Говорил вам, что прошел всю страну вдоль и поперек. И как деталь моего характера: в этом министерстве я проработал 50 лет. Меня ценили, мною дорожили. У меня было два казенных автомобиля. На работу меня возил шофер. Но денег у меня всегда было мало!..

3

Кто помнит фильмы о жизни первых европейских поселенцев-колонизаторов в Южной Америке, объяснять много не надо об архитектуре городков и селений той поры. Они, эти старые строения, сохранились. Точней, их сохраняют, не рушат. И сейчас это именуется так: колониальный стиль! Одно- двухэтажные домики из камня с маленькими каменными крылечками, выходящими на узкие тротуары, высокие окна с непременно заслонами из железных прутьев-решеток. Домики эти впритык друг к другу, тянутся сплошным, стеной – до перпендикулярного пересечения с другой такой же старинной улочкой. Местность гористая – с подъемами и крутыми спусками. Пешего народа мало. Больше легковых разноцветных авто. Это нынче. В старину, понятно, в этих улочках постукивали по каменистой узкой дороге (нынче асфальт) высокие колеса конных экипажей!..

Мы сейчас находимся именно в таком «колониальном месте». Сквозит в голове метафора: музей под открытым небом! Плотников уточняет, что это старинная деревня! Нынче самое престижное и богатое место на окраине Каракаса, поскольку в минутах езды от сей старины находится еще, точней, примыкает к деревне район богатой современной застройки. Особняки-коттеджи и двухквартирные дома, возведенные кооперативным способом на собранные состоятельными людьми деньги, как в моем селе говорилось: вскладчину!

Диво дивное! Успеваю и дивиться, и восторгаться крутизна спусков-подъемов, на которые мотор старого «шевроле» реагирует утробными вздохами-урчаниями.

– Вы слышите, как тяжело мотору? Приготовьтесь толкать!

– Ну и крутизна, – отвечаю, – градусов тридцать пять – точно!

Едва одолели подъем, как в лобовое стекло застучали крупные капли дождя. Небо хмурилось давненько, а сейчас за первыми каплями как бы распахнулось, начался ливень, сквозь который мы еще пробираемся, выискивая свободное место у обочины для припарковки. Мелькнула сквозь мутное стекло скульптура «положенного» везде, в любом сколько-нибудь крупном селении, да, национального героя Венесуэлы Симона Боливара. Соответственно – на обустроенной площади с деревьями и цветами в газонах. И в окрестности площади в сонме реклам, тоже как бы размытых дождем, – магазины и магазинчики, куда непременно хочется заглянуть, в надежде приобрести сувенир, хотя, понятно, цены в богатом районе непременно и жутко кусаются!..

Наконец, приткнувшись к каменному бордюрику тротуара, переждав короткий, но мощный ливень, проезжаем через район новой застройки. На его богатом фоне двух- и

трехэтажных особняков под пальмами наша «антилопагну» смотрится, наверное, драным субъектом, что так нахально внедрил в сие респектабельное пространство? Но ничего подобного! Полицейский вежливо поднимает шлагбаум, и мы вкатываем в ухоженный просторный двор одного из двухэтажных особняков. Развернувшись возле роскошного газона, Плотников тем же порядком вырывает на просторную улицу.

– Где это мы были?

– Здесь живет мой сын Андрей, но его нет дома, как сказал охранник. Они, охранники, меня знают. Но все равно здесь спрашивают: к кому едете? Положено отвечать, мол, к Ивану Ивановичу еду! Андрей раньше жил в бедном районе, но собрал деньги, построился здесь!..

– Да-а... А еще кто здесь живет?

– Элита Каракаса. Адвокаты, профессора, чиновники, крупные торговцы. У них квартиры – на первом, втором этажах. Каждая стоимостью по восемьдесят тысяч долларов. Рабочему человеку купить не под силу, нормальному, как мне, например, – тоже. Нормальные больше теснятся наверху, в горах, где ни воды, ни телефона... А здесь? Ну, собралась состоятельная публика, купила кусок земли, построились и оплачивают постройку. Мой Андрей платил долги пять лет... Чтoб пострoиться и жить в этом районе, нужны годы и годы лишений. Но не все здесь поселились на честные деньги, понимаете? Существуют ведь всякие махинации, комбинации и тому подобное. Но если ты жулик, тебя рано или поздно поймут. А, скорей всего, не поймут. И ты можешь продолжать свою карьеру... Верно? В Америке Рокфеллер, что честно заработал свои деньги?

– Не думаю.

– Не честно... А вот сейчас он для всех – самый честный в мире капиталист!

Ладно. Плотников, видимо, мало представляет, что гость его политграмоте хорошо обучен еще в советские времена. Потому перевожу разговор на иную платформу:

– Очень красиво здесь... А какая квартира у вашего Андрея?

– Двести пятьдесят квадратов площадью. Одна гостиная-столовая метров девяносто. Еще несколько спален. Кухни, ванны и прочее. Комнаты для прислуги... Платят ежемесячно в кооператив на содержание прислуги, охранников. А я живу в собственном доме, который вот этими руками строил, никакой прислуги не держу. Хочу починить что, чиню. Хочу уборку сделать, делаю. А не хочу, живу, как свинья, – опять на шутливой ноте, как-то очень по-русски, заключил разговор Борис Евгеньевич.

И опять едем через «колониальную» деревню, у которой, как уверяет Плотников, «коммерческое» будущее, потому что каждый первый этаж дома – магазин, всякую всячину продают, вплоть до «сексуальных принадлежностей» и высушенных скальпов из диких индейских поселений!..

Неожиданно новый ливень загоняет пеший народ под крыши, опять тормозит у обочин поток «иномарок», которые сквозь ливень свежо блестят, терзаемые этим небесным тропическим водопадом. Опять стоим, пережидая захханалию падающей на «непробиваемую» крышу старенького «шевроле» и на город воды. В опущенное боковое стекло машины торопливо выдыхаю сигаретный дым, а навстречу, в лицо, совсем зябко ударяет прохладой. И я понимаю, имея неоднократный опыт «хождения за три моря», что в очередной раз акклиматизировался в тропических весях. Но только и всего. И мне уж никогда не вписаться – и нет необходимости! – в тот «волшебный круг» на чужом континенте, который стал спасительным кругом для моих русских друзей-соотечественников – вдали от России.

Сергей Ерёмин

«О чем тревожится душа...»

* * *

Простой советский человек
Жестокий доживает век.
Он счастье строил много лет –
В конце тоннеля света нет.

Поводырям поверил он...
Теперь долбят со всех сторон.
Дожив до старости такой,
Спешит убраться на покой.

Державе верно он служил,
Вождей лукавых пережил.
Теперь он стонет по ночам:
Чем насолил он палачам?

Душой он чист – не убивал,
Он всё терпел, за всё страдал.
И вот – в неведение простом:
За что он высечен кнутом?
1990

* * *

Нашел «трояк» в спецовке,
Подумалось: «Вот жил –
Хватало на столовку,
Еще б и одолжил!»

Теперь другое время:
И «сотня» не в цене.
И тащим это бремя
По собственной вине.
А в телеке реклама:
Стирает и жуёт,
И сытой мордой хама
На прошлое плюёт.

И крутится проворно
Кино – как больше красть,
Наркотики и порно,
Что держат эту власть.
1993

ШУКШИНУ

Жил да был Василь Макарыч,
По земле босой ходил,
Помер тихо и не старым, –
Сорок – с чуточкой – чудил.

А годочки, как цветочки,
Словно вовсе не цвели...
Сгнили лавочки, жердочки.
Ох, боли, душа, боли!

Не боли о том, что было,
А боли о том, что есть:
Тащит сивая кобыла
По России мразь и спесь.

Вот бы счас Василь Макарыч
Написал сценарий враз,
Как откуль-то взялись бары
И Борис – дикобраз.

И как бары те «чудачат»,
За грудки их – не возьми!..
Будто вправду что-то значат
Перед Богом и людьми...
1992

* * *

Никудышные дела,
Не дела – делишки,
Жизнь дырявая пошла,
Как кафтан у Тришки.

Денег нет и негде взять,
Там и там – заплаты.
Печку нечем растоплять,
Кончились дрова-то.

Что ж, Буренка, скоро снег
Сплошь поля покроет.
И на сено денег нет,
Слышь, как ветер воет?

Может быть, спасет «авось»,
И – по обстановке –
До весны, «мусоля кость»,
Стерпим голодовку.

Слышь, как Лифшиц говорит:
«Потерпи!» Ты – веришь?
Эк, как пудрит нам мозги
Этот сытый мерин!..
1996

РОССИИ

*Взгляни, чей флаг там гибнет
в море,
Проснись – теперь иль никогда...
Ф.И. Тютчев*

Скажи, к какому пробуждёнью
Тебя поводьри ведут?

По чьему нынче ты веленью
Несешь свой тягостный хомут?

Очнись, народ,
коль память свята!
Раскрой глаза и оглянись...
Опять кричат они Пилату:
«Распни – её! Её – распни!»

Ужель ты умер, Богоносец,
Ужели дух в тебе растлел?
Проснись, проснись –
еще не осень,
Не весь ушел ты в беспредел!
1995

* * *

Весна почти не задержалась, –
Окрестность будит ледоход.
За льдиной льдина,
будто жалость –
По холодам. Зимы исход.

Ну чем не радость, чем не диво!
Я набираюсь силы впрок.
Весна пришла,
и жить счастливо
Зовет весенний ветерок.

Ликуй, народ! Природа дарит
Свою святую благодать,
Чтоб ожил ты, заботы справил,
Не разлюбил землицу-мать!

...У самой кромки огорода
Бурлит и тешится Ишим.
Гуляй, ожившая природа,
И лету веткой помаше!
2003

Село Викулово
Тюменской области.

Тюмень литературная

АВТОРСКОЕ СЛОВО И ИСКУССТВО ГРАФИКИ

Долгое время меня смущало словосочетание: литература и искусство. Разъединительное «и» вроде бы отторгало литературу и выводило её за пределы искусства. Но это «и» – союз, смысловое назначение которого – соединять разрозненные понятия на общей базовой основе – стилистике конкретной эпохи.

Художественная литература немислима без образной изобразительности, а графика (речь пойдет о её книжных вариантах) несет в себе незыблемое определение: изобразительное искусство. Развитие литературы и стремление художника профессионально ографитировать слово писателя неотделимы друг от друга.

Первоначальные письма были рисуночными. Достаточно вспомнить культуры Древнего Египта, Шумера, Месопотамии. И иероглифы, и клинопись графичны в своей основе. Истоки красивого письма – каллиграфии – развиваясь, прошли через века до наших дней.

Писать графично-витиевато умели не только создатели рукописных книг. Мы знаем искусное письмо многих известных ученых, писателей, поэтов. Имена Шиллера, Гете, Пушкина, Достоевского, Гоголя вписаны в солидные исследования о каллиграфии. Пушкин не только владел красивым письмом, но и был первым графиком-иллюстратором своих произведений. И не случайно художник Кузьмин, приступая к оформлению пушкинских сочинений, изучает его летучее, стремительное письмо и легкие штрихи рисунков на страницах рукописей.

Древний летописец, склоняясь над пергаментными листами, рисовал красной киноварью причудливые заглавные буквы, выделяя не только первую строку, но и смысловые абзацы.

Обыденные понятия наших дней – «красная строка» и «красная нить» протянули к нам свой след от узорчатой вязи кириллицы.

Печатный станок Гуттенберга, совершенствуясь, позволял не только широко тиражировать авторское слово, но и вызвал стремительный рост всех видов репродукционной графики, от торцовых, а затем и обрезных гравюр на дереве до различных её видов на металле, линолеуме и пластике. Изменения литературных течений незамедлительно влияли на изобразительное решение графики на книжной странице, а затем и на журнально-газетной полосе.

В XIX веке развитие в России критического реализма вызвало к жизни новую форму литературно-графического издания – пародийный роман.

В 1875 году из Тюменской типографии Константина Высоцкого выходит необычная книга, пародийный роман М. Знаменского на «Обрыв» И.А. Гончарова – «роман классический, картинный, отменно длинный, длинный, длинный, без романтических затей». Такой эпиграф предпослан этому уникальному изданию, хранящемуся в отделе редких книг филиала Тюменского краеведческого музея. М. Знаменский выступает здесь не только как художник-карикатурист, но и как литератор, владеющий острым сатирическим пером. Постранично идет осмеяние и консерватизма Гончарова, и неприглядного лица революционера, им изображенного. Достается «на орехи» и местным либералам с их утопическими иллюзиями.

В центре этой необычной книги едва ли не впервые в изобразительном искусстве (по крайней мере в Сибири) намечается положительный образ рабочего человека.

Несколькими годами раньше другой тюменский художник-сатирик И.А. Калганов, отталкиваясь от поэмы Некрасова

«Кому на Руси жить хорошо», нарисовал четыре графических листа, в которых наши либералы-правдоискатели под водительством донкихотствующего Высоцкого сошлись на столбовой дорожке. Фон действия – узнаваемый тюменский пейзаж с памятным знаком, поставленным на окраине города в честь Великого князя Владимира Александровича, посетившего первый город Сибири.

Сюжетно художник следует за литературным источником. Заключительный лист серии – финальная сцена – заканчивается кутерьмой потасовки: правдоискатели дошли до рукоприкладства.

Все изображенные персонажи портретно достоверны и легко узнавались современниками художника: члены кружка Высоцкого, их идейного вдохновителя. Достоверность лиц установлена стараниями искусствоведа Сезевой Н.И. В производстве находится её книга о художнике Калганове, и мне не хотелось бы до времени тиражировать её находки. Моя задача – хоть в какой-то мере обозначить этапы развития графики, связанной идейно и образно с литературными течениями и имеющей непосредственное отношение к нашему краю.

Художники-книжники поэтапно шли от прямолинейно понятого украшательства предлагаемого текста, зажатого между двумя изукрашенными корками обложки, к осмыслению образной структуры авторского текста.

На заре XX века Владимир Андреевич Фаворский приходит в своей практике к переосмыслению системы взглядов на искусство книжной иллюстрации, прокладывает дорогу к синтезу всех элементов книжного оформления: вид набора, тип шрифта, буквицы, полей – все (не только картинка-вклейка) должно работать на создание органично цельного произведения – художественной книги. Созданная по этим принципам, она уже с обложки начинает вводить читателя в авторский текст.

Наш взгляд безошибочно выделяет церковно-славянскую вязь, по почерку узнает эпоху модерна, средневековья, возрождения... Словом, созданное художником ографление печатного слова писателя непременно несет отпечаток характерных стилистических признаков времени...

В 1944 году Тюмень получает статус областного центра. Организуется свое книжное издательство. Из окопов Великой Отечественной возвращаются уцелевшие художники, не закончившие, к сожалению, свое профессиональное образование, прерванное войной.

Городу еще далеко до Дома художника, до картинной галереи, нет отдельных мастерских. Но создается художественная среда. К старшим художникам-наставникам примыкают воспитанники областного Дома народного творчества, изостудии, руководимой И.А. Некрасовым,

В числе первых иллюстраторов книг местного издательства – И.П. Котовщиков, П.Г. Суханов, М.С. Рогожнев.

Иллюстрируя северные очерки местных журналистов, активно сотрудничает в «Тюменской правде» Степан Лопатин.

Оформляются книги тюменских писателей П.Горбунова, И. Ермакова, И. Истомина, С. Мальцева, книги известных советских мастеров слова.

Оформители книг участвуют в художественных выставках. Сошлюсь на каталоги областных выставок 1958-1959 годов. М. Рогожнев выставляет 19 эскизов книжных обложек. (Попутно замечу: с развитием черно-белой линогравюры М. Рогожнев стали украшать обложки не только периферийных, но и центральных изданий). П. Суханов представил

иллюстрации к книге М. Михайлова «Приключения воробья-забияки» и к сборнику рассказов «Следы на тополе» – в общей сложности 33 листа. В. Мацкевич (наш земляк, работает ныне в С.-Петербурге) показывает цветные графические композиции по роману С. Серафимовича «Железный поток» и к рассказу П. Бажова «Богатырева рукавица».

В шестидесятые годы прошлого века в Тюмень приехало немало художников после окончания Ленинградского института им. И. Е. Репина. Среди них был Остап Шруб. Иллюстрируя книгу И. Ермакова «Стоит меж лесов деревенька» Остап Шруб опирается на опыт народного творчества, отталкиваясь от лубочной стилизации, расцветывая, уплотняя все поле рисунка.

Возвращается в родной город профессиональный график, выпускник Московского художественного института им. В.И. Сурикова – Ефстафий Кобелев. Его влияние на дальнейшее развитие графики Тюмени несомненно.

В наши дни уже невозможно представить «Тюмень литературную» без оригинальных рисунков Ирины Холoméевой. Художницей оформлены практически все поэтические и прозаические книги, вышедшие в серии «Библиотека «Тюмени литературной». Их не менее трех десятков. Среди них поэтические сборники Е. Вдовенко, В. Худяковой, А. Тарханова, Н. Денисова, С. Абрамова, В. Козлова, В. Законова, П. Плюхина...

Рецидив новой российской смуты, начало которой положил в 1985 году М. Горбачев, политик с «новым» куцым мышлением, а затем начатый процесс «углубил», расширил и придал ему неслыханное ускорение кремлевский провинциал Б. Ельцин.

Разрешено все, что не запрещено, стерты грани морально-этических норм – джина выпустили из бутылки. На глянцево-обложки массовых изданий хлынули потоки крови, среди звериного оскала человеческих лиц (уже не человеческих!) плавали расчлененные тела, блистали кинжалы, зло взблескивали пистолеты. Графика зеркально отразила содержание читава.

Как-то среди этого мракобесия обратил внимание на том, обложку которого украшала цветная фотография с российским пейзажем. Ну, думаю, слава Богу, к такой обложке и прикоснуться не страшно. Книга Самсона об отце. Полистал бегло и был раздосадован: типичная псевдолитература. Это безошибочно подсказала мне графика, вкрапленная в текст: детские перерисовки с репродукций известных художников, а под этими картинками фамилии ребят, как обозначение их авторства. На иностранное звучание – откровенный плагиат, а по – русски, мягко говоря, присвоение чужой работы. А в сопредельном тексте – елей в адрес дяди, который приучает детей к воровству.

Фамилии упоминать не стану, ныне это может все обернуться рекламной изнанкой. Разновидность такого производства некогда определил Андрей Платонов фразой: «В литературу попер читатель...»

И еще. Нынче создаются затратные роскошные издания, проводятся престижные книжные выставки – ярмарки, ведутся умные разговоры о высокой литературе: книгах интеллектуальных, элитных. И вместе с тем все чаще наткнешься на понятие: рядовой читатель. А от рядового Иванова – Петрова – Сидорова до генералитета, о-го-го, какая пропасть социального разрыва! И, конечно ж, «рядовому» недоступны эти «престижные» книги.

В заключение несколько слов о том, как я силится прочитать внешне богато изданную книгу тюменца А. Омельчука «Последний в очереди за поцелуем». Жанр: случайные записи на листках календаря.

Избранная автором форма не нова: достаточно вспомнить В. Розанова, будетлянина В. Хлебникова, да и сам Пушкин часто писал на клочках бумаги, сидя на тахте, скре-

Рис. Ирины Холoméевой.
Оформление книги стихов В. Худяковой

стив ноги. Но их записи доходили до читателя в книгах, привычных для чтения. А тут – клиповый монтаж, каждая страница сама по себе, все раздергано по кускам, шрифты разноразмерны и разностильны, словно из перепутанных наборов. Строчки вкривь и вкось, расползаются как тараканы, посыпанные дустом. Глазу трудно собрать их в смысловой последовательности.

Цветные вклейки выполнены, как говорят в художественной среде, методом «давленной живописи», поливы жидкой краски по стеклу ли, по пластику ли – можно прокатать на бумагу валиком или прогладить трепетной рукой, а уж в полученный оттиск добавить приправы по вкусу: намек на упавшее дерево, кочку или тучку, да мало чего можно надумать, не вникая в содержание.

(Книга вышла на свет в изд-ве «Мандр и Ко», 2004 год).

Мне могут возразить: «растрепанный» подход к оформлению – образное отражение записей, сделанных впопыхах, на бегу, на быстротечных днях календаря.

Все вроде бы так, но ведь не компьютерным же набором торопливо писал автор, стоя перед календарем вверх ногами и держал при этом голову подмышкой.

Для читателя книга, если это книга, должна быть цельным стиливым блоком от первой буквы на обложке до последней точки в конце издания, где все элементы оформления помогают проникнуть в суть сказанного автором.

Признаюсь, глаз мой настолько устал блуждать по лабиринтам страниц, созданных Омельчуком, что отказался воспринимать смысл им написанного. Пролыстывая книгу, дивился буквенному узорочью. Но во имя чего все это наворочено? Подивившись, поставил диковинку на полку.

Через какое-то время, вернулся к книжной диковинке: проверить – насколько продвинулся я в освоении клиповых конструкций? И – ни фига.

В память вошло только кокетливое название обложки.

Трудно в наше время быть пережитком прошлого, не угнаться за новациями. Современный супер-дизайн вытолкнул меня из очереди за поцелуем.

г. Тюмень.

ЖДЕТ ЛИ РОССИЮ БУДУЩЕЕ?

В результате государственного переворота в начале 90-х годов прошлого века в России типаж литературы и искусства поменял свой характер коренным образом, произошла резкая смена нравственных ценностей. В подаче персонажей плюсы сменились минусами, и наоборот.

Дети в стране превратились в беспризорную шпану, старики в обременительный балласт.

Главными инструментами переориентации читателей и зрителей стали «желтая» пресса и многие каналы телевидения.

В мир искусства вошли новые герои: киллеры, путаны, открытые парни, ухватистые дельцы.

2003 год. Даниил Дондурей, главный редактор журнала «Искусство кино»: «У нас каждые полчаса рассказывают о преступлении. При этом количество юристов не растет, зато растет количество бандитов. Так почему современный телегерой, как правило, бандит или человек, связанный с криминалом?»

2007 год. Александр Любимов, уже легендарный ведущий «Взгляда» и продюсер шоу «Последний герой» в беседе с Алексеем Соколовым: «...Недавно один священник сказал, что проблема телевидения не столько в «телевизионной пене». Пустые передачи буквально «топят» в себе зрителя, уводят его от реальности. Не могу сказать, что полностью согласился с идеей «пены», но такой подход нуждается в серьезной оценке, никто по-настоящему не понимает, как телевидение влияет на общество: этот механизм до конца не изучен.

Алексей Соколов: «Но разве не очевидно, что насилие и жестокость на экране – это плохо?»

Сочинский подросток-снайпер занимал боевую позицию на балконе два раза в день – утром и вечером. Он обстрелял 12 прохожих. На следствии показал: «Хотел быть похожим на голливудских боевиков».

Артемий Могулнов, ВДВ, сержант: «Стали показывать жуткие фильмы про дедовщину и издевательства, молодые ребята насмотрелись и, придя в армию, стали реализовывать это на практике».

ПРОБЛЕМЫ КУЛЬТУРЫ

Алена Яковлева, заслуженная артистка России: «Сегодня меня пугает массовая культура – засилье бездарности и серости, она убивает духовность, интеллигентность».

Марина Князева: «В государственной целевой программе по развитию села до 2010 года на культуру выделено 1,1 процента. Это 8 копеек на одного сельского жителя в год.

На дорогу к творчеству дано 8 копеек. А на содержание одного подростка в колонии требуется 200 – 250 тысяч рублей. Вот такая рентабельная политика».

НАШ ПОВСЕДНЕВНЫЙ ЯЗЫК

«То, что раньше гнездились в языковом подполье и боялось выйти на свет, теперь нагло лезет в глаза и уши: нет священного – и нечего больше стыдиться. Примеры у всех на виду и слуху: омерзительная матерная брань стала обычным явлением не только на улице, но и в литературе. Самое главное и самое ужасное заключается в том, что эта брань, сальный юмор, похабные анекдоты, наглое похихатывание над всем и вся – все это стремится стать нормой языкового употребления».

Александр Камчатнов, профессор.

«Крайне странно смотреть современные телепередачи, где, казалось бы, гости должны разговаривать: «К барьеру» Владимира Соловьева или «Апокриф» Виктора Ерофеева и другие. Люди там просто не слушают друг друга! Они перебивают, начинают кричать, отворачиваются. Они разучились

слушать, слышать и понимать друг друга. А ведь в библейском тексте эта проблема четко обозначена: слухом услышите – и не уразумеете, и глазами смотреть будете – и не увидите» (Мф. 13:14)».

Лев Скворцов, профессор Литинститута им. Горького.

Факультатив по изучению ненормативной лексики введен в школе №7 г. Ревды Свердловской области. Местная учительница русского языка считает, что мат стал неотъемлемой частью современной культуры. На уроке уже побывал министр образования области В. Неверов и вдоволь наслаждался матом в исполнении лучших учеников.

«Психологи утверждают, что причина 70% разводов в том, что муж и жена не умеют слушать и понимать друг друга, а у школьников в последнее время снижается способность связывать слуховой и зрительный образ, слово и понятие».

Марина Борисова, журнал «Фома», № 7 –07

ЧТО НАША ЖИЗНЬ? ИГРА!

В 2001 году СМИ провели опрос: «Какие ценности для вас являются самыми главными?» Верхняя планка диаграммы – безопасность – набрала 33% опрошенных. Нижняя, десятая – труд – набрала только 9% опрошенных.

Ежедневно по каналу ТНТ транслируется телепередача «Такси». В машине, специально оборудованной, можно не только бесплатно проехать к указанному тобой месту по улицам Москвы и Петербурга, но и попутно выиграть приличную сумму, если правильно ответишь на предлагаемые вопросы.

И это не все. Можно без отрыва от домашнего дивана выиграть в этой передаче от одной до десяти тысяч рублей. Звоните...

– И это еще не все! – сообщает бесцеремонно-нахальный водитель Алексей Куличков. – Вы можете ежемесячно выигрывать суперприз до 30 тысяч рублей. Звоните... Далее Куличков задает вопрос пассажиру: «Кто у Чапаева был комиссаром Фурманов или Петька?» Пассажир: «Конечно, Петька, кто же еще!»

Куличков: «Кому адресовал Есенин строку: «Ты жива еще, моя старушка?» Айседоре Дункан, соседке, матери, любовнице?»

Пассажирка, журналистка, филолог по образованию, в замешательстве выходит из такси, чтобы у кого-нибудь из прохожих испросить правильный ответ на столь «сложный» вопрос...

Денежные игры со ставками от миллиона до десяти – заполнили телеканалы. Хочешь стать миллионером? Пожалуйста – к Максиму Галкину. Обладаешь интуицией? Попробуй вычислить: не та ли, без одежды, пронумерованная девица – лесбиянка? А вон та, привлекательная, не она ли любит секс втроем?

В жесткой игре «Слабое звено» выигрыш достанется тому, кто сумеет, изворачиваясь, теряя остатки совести, любыми «подставками», вытолкнуть сильных соперников и в финале остаться с глазу на глаз с тем, кто слабее тебя. И когда ведущий, исключая из игры сильнейшего, говорит ему: «Вы самое слабое звено. Прощайте». Это как щелчок хлыста, как плевок в лицо.

Знаменитое «Поле чудес». Какие подношения с подострастием, с поклонениями преподносятся ведущему Якубовичу, небезбедному обитателю «элитной» Рублевки.

А какое разлитое море спиртного: везут, везут, везут...

Но и в ответ щедрые дары: от прямых денежных подачек, до автоиномарок. И все это – «бесплатно», как в мышеловке. И все деликатно, под шутки-прибаутки, обучение культурному питию на глазах у осчастливленных детишек.

И некому остановить этот пир во время чумы.

По разным данным, в России производится в год от 14 до 18 литров чистого спирта на душу населения, включая грудных младенцев. А, по подсчетам Всемирной организации здравоохранения, полное угасание этноса наступает уже при объеме в 8 литров.

Трижды в сутки канал ТНТ транслирует жизнь публичного дома. Публичный без кавычек: там все рассчитано под открытый показ для привлечения молодежной публики: конвейерная смена сексуальных партнеров, разборки, драки, матерщина (правда, заглушенная хриплыми щелчками), выпивки, эффектные затяжки кальяна; круглосуточная «работа» на камеру.

В стране ежегодно пропадает до 10-ти тысяч детей. И тут на арену выходят экстрасенсы, прорицатели, колдуны: инсценируется грандиозное телешоу, знахарская публика, пройдя кастинги, как на штатную службу идет в телевидение. На государственном уровне идет одурачивание наивного населения, давно уже потерявшего веру во все властные структуры. И попадают несчастные родители, потерявшие детей, в лапы колдунов и знахарей. К кому больше идти со своими болями и горестями?

Общий фон нашего бытия емко и точно обозначает Эмир Кустурица, режиссер, православный серб: «Мы сегодня по телевизору каждый день видим гибель, как минимум, человек пятидесяти и вполне можем увидеть все эти пятьдесят смертей рядом с собой на улице. Я даже сформулировал такую теорию, что после того, как смерть стала темой спекуляций в СМИ, она утратила свое значение. Такова современность. Я езжу по Москве и всюду вижу культ «золотого тельца». Наш мозг заполнен мыслями о комфортной жизни – мыслями совсем не христианскими. И смотреть в лицо этой реальности, которую создает наша культура, и существовать в таком культурном контексте – тяжелое испытание».

Журнал «Фома», май 2007 г.

Мадлен Кайар – режиссер-документалист из Франции по заказу «РИА-новости» сняла фильм о России. Привожу два фрагмента из интервью, данного журналу «Фома», № 11 2007 г.: «Европе малоинтересны разговоры о русской душе. Там ждут другой информации. Например, французы знают, что есть какие-то очень богатые русские, которые покупают виллы на Кот д'Озюр и в других самых дорогих местах Франции, прогуливаются с длинноногими девушками по Елисейским полям...

Мне, к сожалению, не удалось оставить эпизод, в котором одна семейная пара признается, что и они, и их дети многое потеряли с распадом СССР. И продолжают каждый день терять, потому что школы, высшее образование, хорошая работа – все это стало куда менее доступным, чем в советское время. Возвращается неравенство».

«Хорошо там, где нас нет с нашим телеэфиром, – говорит Алексей Пищулин, телепродюсер с двадцатилетним стажем. – Манипуляция сознанием потерявшихся, дезориентированных, одурманенных поколений – это гнусность, а не борьба за демократические идеалы и гражданское общество! Поборники безграничной «свободы слова» убеждают нас: человек вправе сам выбирать, что ему смотреть и что читать. За подобными утверждениями стоит либо незнание социальной психологии, либо полное равнодушие к судьбе своей Родины, либо подлый расчет... Так и слышится усмешка наркоторговца на школьном дворе: не ограничивайте свободу ребенка, пусть он «сам выбирает, что ему пить и курить».

КРУПНЫЕ МЕЛОЧИ

По всей России горят жилые дома, больницы и школы, крушатся кровли спортивных сооружений и рынков, вздрагивают арсеналы, расплывшаяся смерть на округе. Для выявления «стрелочников» создаются комиссии и всегда почему-то не «до того», а «после как»...

Тюмень. Иду вдоль фасада пятиэтажного жилого дома по улице Холодильной, 49. Первый этаж – во всю длину дома – магазин «Монетка». Семь дверей на фасад и только одна из них (!) принадлежит магазину. За дверьми (перечисляю по порядку, «Евросеть, салон связи», «Сувениры. Конструкторы, Мозаика», ремонт обуви «Башмачок», «Белье», «Колготки»). Все эти двери наглухо заблокированы изнутри магазина. В конце фасада – дверь в аптеку, которая, правда, снабжена сквозным проходом в магазин и выходом из него. И все же, все же, все же... В торговом зале теснота, все загружено до предела, двоим покупателям не разойтись, в часы пик к кассам не пробиться. Случись что, не дай Бог...

Имя Кокоринова Александра Филипповича (1726 – 1772), тоболяка по рождению, весомо в русской культуре. Видный архитектор классицизма, он не только спроектировал и построил Академию художеств в Петербурге, но и стал её первым директором. Ему бы памятник из бронзы отлить и поставить в центре Тобольска, а мы его заставили *рекламировать паркет*, развесив по Тюмени щиты по торцам торговых зданий.

В основу рекламного плаката был положен портрет архитектора Кокоринова, написанный при его жизни художником Левицким, за который он, кстати сказать, получил звание академика живописи.

В прошлом году несколько месяцев работал на тверской земле. Воротился в Тюмень и, сойдя с поезда, хотел дать друзьям телеграмму: доехал благополучно. Но... нет на вокзале телеграфа. В справочном бюро разъяснили: «Что вы хотите? Идет реконструкция».

Живу в двух шагах от 6-го отделения связи. А вот заказное письмо, отправленное из Питера на мое имя, по квитанции, полученной из этого самого 6-го отделения, я должен идти получить в 48-е отделение – к черту на куличках.

На входных дверях – предупреждение: «Временно, по причине неполного штата, отделение работает...» Всё ясно, всяк сюда входящий должен психологически подготовиться и не трепыхаться в очереди. Отстоял. Но зато, двигаясь вдоль стены, изучил любопытное объявление: «В связи с дефицитом марок рекомендуем отправку письменной корреспонденции производить письмом с объявленной ценностью». Ну чем не сервис? Ноу-хау.

Заплатить за домашний телефон – проблема. Очередь на полтора-два часа. Платежка из ЖКХ – та же напасть. Разносят её ежемесячно к 9-му числу, а уже с 10-го начисляется пени за несвоевременную уплату.

Захожу в банк по объявлению о приеме платежей: «Пожалуйста. Комиссионные – 10 рублей». Десятка нынче, конечно, мелочь, но для пенсионера это крупная мелочь.

Час пик. В автобусе нас, как сельдей в бочке. Водитель в микрофон предупреждает, чтобы уважаемые пассажиры остерегались карманных воров. Все мы, естественно, начинаем озираться: что за господа – товарищи едут рядом с каждым из нас...

Нынче оглянешься окрест, задумаешься над тем, что происходит вокруг тебя и содрогнешься: *какие силы и средства брошены на то, чтобы у России не было будущего.*

Валерий Новиков.

Тюмень литературная

НЕЗАВИСИМОСТЬ ОТ РУССКИХ

Читая книгу «Огненный крест»

«Едят твою корень!» – заругался бы окупёвский сосед.

Николай Денисов

Несоответствие слов и дел нынешних возглавителей страны вызывает недоумение. Хотя персонажи, поставленные мировым Правительством, должны вызывать более радикальные чувства.

Но долготерпелив Народ Русский по образу долготерпения Божия. И хитроумные демократы стремятся успеть довести нас, «придурков» (по словам Путина), до невозможности подняться даже до примитивного уровня человеческой самоорганизации жизни.

«Демократическая» власть, как и при инородцах-большевиках, осталась иностранной по сути своей, с меркантильной философией и западным отношением к Богу. Заблуждение лишило её истины, силы, мудрости, оставив лишь страх перед сонно ворочающимися Русским Медведем. Что только ни делают лукавые прислужники властей, чтоб в русском народе не проснулись от спячки его медвежата! Но плоскостная расчетливость богоборцев не способна предсказать движение Русской Души! Будет благословение Божие – будет и установлен в России Русский порядок! И никто тому на земле не помеха!

При всех позитивах советского времени нельзя забывать о том, что руководящие в стране большевики-инородцы были врагами Русского Патриархального уклада жизни народов России. Потому и старались погасить источники благодати от святынь и веры. Объявили об отмене Русского Христолюбивого Народа и начали создавать «новую общественную форму» – советский народ – сразу после ритуального убийства Августейшего Семейства русского царя (по приказу Свердлова и «дедушки Ленина», сказавшего, что «нет никакой морали – есть целесообразность»).

И госуправление, напичканное масонами и иудами, смогло только усугубить обстановку. Полилась кровь, в том числе многих лучших русских людей. Заработала кровопускательная машина, в наемку нам, русским, и другим народам России-СССР, названная по своим ритуальным узлам – «тройками», «семёрками», что для жертв убийц говорило как бы о Троице и о Христианской полноте. Может быть, Господь попустил, чтоб не усложнять людские предсмертные муки: «Аз с вами, верные чада Мои»?

Святой кровью Праведников и Воинов Христовых XX век пропитал Русскую землю: дворянство, духовенство, казачество, крестьянство... Всё, что говорило о благородстве, таланте, духовности – насилувано и истреблялось. Особенно, подчеркну, в 20-е годы. Так не свята ли Русь!?

Швондеры, шариковы и прочие бараны – вот тот искусственный социум, ко-

торый Господь допустил до власти после Октября 17-го, чтобы ужаснуть ещё живые русские души.

Гарантированное паразитирование на поверженных народах России, чего уже нынче, при демократии, достигли те же швондеры, возникнув из 20-х годов, не цель. Главное – привести человека к такой степени нравственной деформации и духовному вырождению, чтобы он не смог существовать на уровне своей божественной природы в реальном мире, быть альтернативной силой, претендовать на возврат народной собственности и нравственной среды. Биороботы с зоологическими потребностями – вот то рабское население мира сего, которое проклятые Богом приватизаторы планеты должны привести на поклон антихристу.

Все процессы в стране нашей и в мире обусловлены одним – переводом традиционных систем ценностей в хаос, чтоб низвести людей до невозможности пользоваться великим духовным наследием и богатым средством совершенствования. Человеку предлагается несвойственное его христианской природе, бесполезное, вредное. Мир перетекает в антимир с помощью апологетов зла в рясах и во фраках.

Существа моральные просто не вписываются в новую систему земных благ, поэтому смертность в XXI выше кровавого XX, а осознавшие вселенскую ложь – обречены, о чём нам и говорит Апокалипсис.

«Но не зло победит, а Любовь!» – утешает нас св. Царь Николай. «Церковь Мою и врата ада не одолеют!» – успокаивает Спаситель. Но надо исполнять и свою святую обязанность противостояния злу, хотя бы на том месте, где ты живёшь. Нас никто не будет охранять от растления, лжи, если сами не будем хранились! Миллионы сирот, дети, как товар, вывозятся из родной страны, 80 тысяч душ в год официально бесследно исчезают в РФ!

Спрос с власти – что с гуся вода. С нас – особый, ибо злые делают своё дело, а мы СВОЁ Божье делаем, но из рук вон плохо.

Иосиф Сталин и Великая Отечественная война оздоровили на время большую Россию, пустив черную искупительную кровь, и... взлетели в космос. Советская Армия на десятилетия сдерживала мировое зло. Советская наука, культура, литература, вдохновлённые великой Победой, достигли небывалых высот, вытаскив из болота невежества человечество (кто хотел). Кто это сделал? Русский народ. И первый тост после Победы над фашизмом Генералиссимус предложил за Русский Народ, без которого сатанизм давно бы утвердил власть на земле.

К сожалению, бесовская инфекция отсиделась в тылу, за спинами героев, умов и талантов, и в нужный момент вонзила коварный нож в спину России, чтобы завладеть чужим изобретением, идеей, книгой, именем, титулом, положением...

Волки скинули овечьи шкуры, побросали партбилеты. Оказались впереди не в бою, не в науке, не в труде, а в краже и скупке краденого, в «заглатывании суверенитетов» и природных ресурсов, территорий и власти.

При новой общественной морали, глумливых СМИ, «освобождённой» культуре, политической жизни, многовековому Русскому народу с Его верой, самобытностью, с Душой – не стало места в системе материальных благ новорусской России.

И мы – восемьдесят три процента русских, слабо ропща, смотрим на то, что делают со страной инородцы, иноверцы, прохиндеи. А нам говорят, что мы живы и в строю: вот ваш президент, вот официальный «русский националист» Жириновский, вот ваши «наши», вот «наши» законы, принятые для истребления русских по мере необходимости, а вот...

Убьют наркомана-кавказца за зло – шум в СМИ, гевалт до Генпрокуратуры, всё МВД на ноги, а русских убивают ежедневно и – тишина. Русские – это же не люди... Нет войны? Так будет, чтобы весь мир узнал, что жив Русский Ваня! Так не будите же медведя!

Резюме: продолжается линия на сохранение искусственного народа, выведенного за пределы естества духовной среды. Идет подмена здоровой духовной атмосферы её ложным аналогом, у человека мутнеет рассудок, воля – и человек становится неспособным стать даже гражданином «своей» страны. Ныне государство не воспитывает население, что является святой обязанностью власти любого государства, а переводит людей с раннего детства в ранг пациентов...

Разрушение дуополярного мира не привело к многополярному, а к монополярному, оккультному. Мир перестраивается в одном направлении – к приходу антихриста.

Сегодня втягивают Россию в ВТО, но ни протестов, ни демонстраций! Что? Это наше национальное – «пока гром не грянет...»? Но как только мы войдём в ВТО, исчезнет последняя возможность у Русских прийти к управлению собственным государством.

Граждане мира, эти роботы-виртуалки, размножаются ускоренными темпами. Их социально-духовный статус мало чем отличается от представителей зоомира.

В мире столкнулись сторонники телесного благополучия и духовной свободы, сытые и честные, антихристиане и Христиане. Каждый волен выбирать сам, третьего не дано...

Вот такие размышления пробудил во мне «Огненный крест» – книга талантливого русского писателя-сибиряка, который смотрит на мир неохмурённым сознанием и незапуганным сердцем. Книга читается с интересом повсеместно. Автор в январе с.г. стал лауреатом Всероссийской премии «Имперская культура», учрежденной Союзом писателей России и Фондом святителя Иоанна Златоуста. Читайте «Огненный крест» Николая Денисова, и вы снимите пелену с глаз и груз с души своей замутнённой!

Верится, Русь встанет с Богом! Но был ли ты с НИМ? Был ли ты со своим народом, читатель, когда творилась тайна беззакония в твоей Стране?!

г. Москва о. Владимир Ермолаев.

ГЕНЕРАЛИССИМУС И. В. СТАЛИН

К 55-летию со дня гибели вождя

Сталин: «Я знаю, что после моей смерти на мою могилу нанесут кучу мусора. Но ветер истории безжалостно развеет её»

В 1922 году И.В. Сталин и Г.К. Орджоникидзе приезжали в Грузию, к Сталину подошла его мать и спросила: «Сынок, на твоих руках нет царской крови?» – «Вот тебе крест, истинно нет!» – ответил Сталин и на глазах у всех перекрестился.

И свидетельство Свыше: в 1944 году по главной улице Москвы провели 56 тысяч пленных германских солдат и офицеров во главе с 19 генералами. Прошли они в сопровождении конвойных с дореволюционными еще мосинскими трехлинейками наперевес не в какой-либо иной день, а 4/17 июля, когда в подвале Ипатьевского дома убили Царственных мучеников.

Узнав о смерти Сталина, люди – сохранилось тому множество свидетельств – испытали такие чувства, словно земля стала уходить у них из-под ног. Исчезла некая платформа жизни... Мысль эту высказал в своем слове перед панихидой Святейший Патриарх Алексий (Симанский): «Упразднилась сила великая, нравственная, общественная, сила, в которой наш народ ощущал собственную силу, которую он руководил в своих созидательных трудах и предприятиях, которую он утешался в течение многих лет».

Говоря о терроре, следует, прежде всего, понять, кто и каким подвергался репрессиям.

Ленинский террор был, несомненно, более жесток и кроваваден, чем во времена Сталина. При этом отсутствовала даже малейшая тень законности. Шли не суды, а бессудные расправы... Массовым репрессиям подвергались члены Царской Династии, дворянство, генералы, адмиралы и офицеры армии, флота, жандармерии и полиции, чиновники, духовенство, профессура и творческая интеллигенция, члены Союза русского народа и других патриотических организаций...

К власти Сталин фактически пришел в 30-х годах. Репрессии при нем были направлены против партийных, военных и советских деятелей, а также против чекистов (флот вообще почти не пострадал). Репрессии времен коллективизации завершались, как правило, высылкой на поселения, а не расстрелами.

В ГУЛАГе на 1 января 1940 года находилось 1 659 992 человека. Из них политических было 445 тысяч. После войны (1950 годы) число политических заключенных, никогда не превышавшее ранее 500 тысяч человек, увеличилось за счет власовцев, полицаяв, бандеровцев и других националистов, борющихся с Советской Россией с оружием в руках.

Смертность в тогдашних исправительно-трудовых колониях была примерно такой же, как в нынешней России – на воле.

Как относился народ к крутым мерам власти по отношению к высокопоставленным заговорщикам, предателям, открытым и скрытым врагам?

Прежде всего, было ощущение возмездия. Так считал, например, известный писатель М.А. Булгаков.

А вот «уникальный» пример.

Приехавшим арестовывать осенью 1945 года офицерам СМЕРШа (советской контрразведки) неизвестный атаман Г.М. Семенов заявил: «Мы проиграли русско-японскую войну, отдали японцам половину Сахалина, Курилы, Порт-Артур и Дальний. Вы все это вернули. Вы разбили непобедимую германскую армию. Наши войска в Берлине, на Эльбе. Вы возвратили все исконные российские земли, которые Россия потеряла в первую мировую войну и после революции. Честь и хвала нашей (!) армии, русскому оружию. Я преклоняюсь перед вашим Сталиным».

К полновластию Сталин пришел в результате уничтожения ленинской гвардии. Оценку ей, да и самому «Учителю», дал он в беседе 1931 года (все эти «гвардейцы» были еще живы и даже на «своих» местах) с немецким писателем Эмилем Людвигом: «Тех товарищей, которые не уезжали за границу, конечно, гораздо больше в нашей партии и её руководстве, чем бывших эмигрантов, и они, конечно, имели возможность принести больше пользы для революции, чем находившиеся за границей эмигранты... Я знаю многих товарищей, которые прожили по 20 лет за границей, жили где-нибудь в Шарлоттенбурге или Латинском квартале, сидели в кафе годами, пили пиво и всё же не сумели изучить Европу и не поняли её».

Надругавшаяся над Россией «бессмертная ленинская гвардия» на деле оказалась еще какой смертной. И не такой уж интернационалистской и атеистической. Ведомый в августе 1936 года в подвал Г.Е. Зиновьев, простирая руки к потолку, вопил: «Услышь меня, Израиль, наш бог есть бог единый!» Примечательно, что и сам поведавший об этом резидент НКВД в Испании А. Орлов-Фельдбин, бежавший в 1938 году в США, первым делом посетил там синагогу. К этому же разряду явлений относится собственноручно написанный пламенным революционером Л.Д. Троцким в декабре 1921 года «херем» (иудейское религиозное проклятие) В.И. Ленину.

Минуя все эти завалы, Сталин пришел к власти. Потом была война, своего рода всенародный референдум. Народ поддержал Сталина, выказав ему полное доверие. Но ведь произошло это вовсе не автоматически. И он понимал (и помнил) это. Достаточно обратиться к знаменитым его словам послевоенного тоста:

«Я поднимаю тост за здоровье русского народа не только потому, что он – руководящий народ, но и потому, что у него имеется ясный ум, стойкий характер и терпение. У нашего правительства было немало ошибок, были у нас моменты отчаянного положения в 1941-1942 годах, когда наша армия отступала, покидая родные нам села и города Украины, Белоруссии, Молдавии, Ленинградской области, Прибалти-

ки, Карело-Финской республики, покидала, потому что не было другого выхода. Иной народ мог бы сказать правительству: вы не оправдали наших ожиданий, уходите прочь, мы поставим другое правительство, которое заключит мир с Германией и обеспечит нам покой. Но русский народ не пошел на это, ибо верил в правильность политики своего правительства и пошел на жертвы, чтобы обеспечить разгром Германии. И это доверие русского народа Советскому правительству оказалось той решающей силой, которая обеспечила историческую победу над врагом человечества – над фашизмом. Спасибо ему, русскому народу, за это доверие!..»

Насчет «другого правительства» и «заклечения мира с Германией» – это вовсе не были простые слова. Жена советского писателя Бруно Ясенского Анна Берзинь признавалась (из дела НКВД): «Я воспринимаю эту власть как совершенно мне чуждую... В свое время, в гражданскую войну, я была на фронте и воевала не хуже других. За существующий режим воевать? Нет уж, лучше открыть фронт фашистам... Мы сами расстреляли наших друзей и наиболее видных людей в стране. В правительстве подбираются люди с русскими фамилиями. Типичный лозунг теперь – «мы русский народ». Всё это пахнет черносотенством...»

СЕРГЕЙ ФОМИН

(Из статьи «Империя Сталина». Газета «Русский Вестник», № 7, 2008 год).

P.S: Главные новаторские действия И.В. Сталина, более 30 лет возглавлявшего страну, были приоткрыты им на февральском пленуме ЦК КПСС (1953 г.); их полное обнародование планировалось сделать на внеочередном мартовском пленуме. Основными тезисами, уже распространенными среди членов Политбюро, по обеспечению ускоренного развития СССР и ликвидации наметившихся застойных явлений были:

- устранение партийного контроля и передача всей власти в стране Советам;
- широкое внедрение в СССР частной собственности.

Естественно, при этом подразумевались всеобъемлющие и основательные кадровые изменения в руководстве страны и на местах.

Клика Берия, Маленкова и Хрущева, но без основания опасаясь за свою судьбу, физически, под видом витаминного профилактического лечения, убила И.В. Сталина (март 1953 г.)

«ПОЛИТИКИ НЕ СПОСОБНЫ БОРОТЬСЯ С ХАОСОМ!»

Одно из последних интервью с польским писателем-фантастом Станиславом Лемом

- Переживет ли человечество это столетие?
- В муках и нужде. Произойдут ужасные катастрофы, сотни миллионов умрут от голода, жажды и эпидемий. Как только запасы пресной воды и полезных ископаемых окажутся на пределе, начнется массовое переселение, войны.
- Кто же выживет?
- Тот, у кого будет лучшим оружие.
- Не слишком ли мрачны ваши предсказания?
- Нет, они реалистичны.
- Можно ли помешать такому развитию?
- Нет. Оно уже идет. Коллапс Советского Союза привел к тому, что в мире уже нет противоположных полюсов, которые держали в равновесии коммунизм и демократию. Наш мир в ключья разорван локальными конфликтами. Политики не способны действовать. Сильнейший пример – Югославия. Или Германия. Разве не верилось, что объединенная Германия станет локомотивом экономического процветания Европы? А что получилось? Кризисы, социальная неуверенность, резкий рост агрессивности. У этого мира нет в настоящее время ни умов, ни средств себя спасти.
- Насколько неспособны люди?
- Как показывают кризисные времена, в том числе

и нынешние, наш мозг биологически ограничен. Мы не способны решать действительно сложные, комплексные задачи. Это фатально. Но именно в таких ситуациях люди действуют по принципу: «После нас хоть потоп».

– Не является ли логика высшим достоянием человека?

– Нет, она, как нож, которым можно отрезать кусок хлеба или перерезать горло. Инструмент, с которым человек не умеет обращаться.

– Перед чем вы, прежде всего, испытываете страх?

– Перед неспособностью политиков охватить всю противоречивость нынешней ситуации. Господствует хаос. Направление в будущее не найдено. Возможно, нынешнее человечество должно исчезнуть, чтобы могло появиться другое.

– Есть ли где-то в мироздании Бог?

– Нет. Это было бы очень хорошо, но я не верю в чудеса.

Станислав Лем – автор книг «Солярис», «Эдем», «Насморк» и других. Умер в 2005 году.

(Перепечатано из журнала «Синильга», № 1 (9), 2005 г. Тюмень. Главный редактор Игорь Пронькин)

* * *

«Сами зеленостроевцы Тюмени, словно иудеи, безжалостно обрезают кроны и верхушки попавшихся им под руку тополей, ив, кленов и других деревьев...»

ДЕМОНСТРИРУЯ МОЩЬ ТОПОРА...

Из статьи эколога Лидии Смольниковой:

Ежегодно количество зеленых насаждений в областном центре уменьшается в геометрической прогрессии. Кто сегодня, к примеру, вспомнит березовую рощицу на пересечении улиц Харьковской и Холодильной? А ведь она была! До 1995 года... Варварство объясняли тем, что березы якобы настолько подросли, что стали подпирать провода высоковольтной линии...

* * *

... Чем можно объяснить вырубку более полусотни красивых вязов, которые выселились стройными рядами вдоль забора, ограждающего территорию завода медоборудования, что по улице Республики?

Никому не мешали.

* * *

... Уничтожены зеленые кущи по улице Мельникайте во время строительства путепровода.

Взамен не посажено ни одного деревца.

* * *

... Какое эстетическое наслаждение получаем мы от зеленых ограждений, тянущихся на многие километры посреди улиц Пермякова, Мельникайте, других... Это, видимо, по мнению «наших» чиновников, более красиво, чем зеленые кустарники.

* * *

... Ранее на разделительной линии дорожного полотна большинства улиц Тюмени высаживали кустарники, другие зеленые насаждения. И они совсем не мешали движению автотранспорта. Наоборот, украшали улицы.

➤ ВАРВАРИЗМ 21-ГО ВЕКА

* * *

На месте двадцати двух деревьев на улице Одесской, посаженных когда-то жителями окрестных домов, остались пеньки. Примеры можно множить и множить.

* * *

... Во всех странах мира даже старое дерево, если мешает производству каких-либо работ, стараются бережно пересадить на другое место. В Тюмени – наоборот. Вырубают запросто, без объяснения причин и без последствия для тех, кто рубил. Никто не несет никаких наказаний. Произвол полный.

* * *

... Особенно достается тополям, как будто их крупные, порой даже «неряшливые» стволы мешают обозревать новехонькие особнячки не слишком богатых на выдумку местных «эстетов». Это каким же эстетом надо было быть, чтобы превратить растущие возле школы № 4 по улице Тульской раскидистые тополя, которые совершенно никаким проводам не мешали, в четырехметровые обрубки? В остолопы.

* * *

... Вы посмотрите на проспект Республики (не будем говорить, что это улица). Столпотворение транспорта. Загазованность выше нормы в десятки, если не в сотни раз! И что!? Полная оголенность фасадов безликих домов.

* * *

... Когда-то город совершенно по-иному относился к питающей его водной артерии – реке Туре, где ходили не только грузовые суда, но и трехпалубные белые пассажирские теплоходы. Обмелела и опустела река. Нет на ее берегах и прежних зарослей дубрав и осинников, сбегавших к воде парков, созданных в советское время, и бывших купеческих садов.

Да, нет нынче чарующей и водоохранной зелени на берегах родной реки. Как и сам город остался без своих многочисленных когда-то парков, скверов, садов. Скучный «рыночный» город – в скучном бетонном исполнении.

(Журнал «Синильга», № 2 (7), 2003 год)

КЛЁН ЗЕЛЕНый – ЛИСТ РЕЗНОЙ...

...История садово-паркового искусства Тюмени со- держит упоминание об аптекарском саде А.И. Даудель. Сад этот располагался между улицами Немцова и Про- фсоюзной. Точное время его закладки неизвестно (мне). Известно лишь, что в середине XIX века сад «распола- гался», а к концу XIX века был вырублен и превращен в поскотину. Еще достоверно известно, что А.И. Даудель, а скорее всего, ее предшественники, применили для боль- шей сохранности насаждений следующий «парниковый эффект»: сад был обсажен со всех сторон, кроме южной, кедрами. Такой прием широко применялся при озеленении Петербурга. Кедры растут довольно медленно, что говорит о продолжительности существования сада. В центре сада располагался участок из лип, рябин и дрока.

...Во многих городах области, в том числе в Тюмени, интересы озеленения улиц и площадей очень часто всту- пают в противоречие с интересами энергетиков. Но такие противоречия всегда разрешаются, к сожалению, не в пользу зеленых насаждений... Обрезку проводят недопу-

стимо поздно. И тогда дерево уже не способно залечить свои раны... Под корень вырубают и низкорослые березы, и высокие тополя.

...Режут деревья сплошь и рядом. Режут клен ясне- листный, режут липу и даже березу повислую или пла- кучую... На стоны и жалобы экологов, что такая тактика ущербна и в плане бюджетных затрат, и в плане ухудше- ния окружающей горожан среды, ответ один: мы боремся не за экологию, а за красоту улиц! В чем же эта красота? В отсутствии деревьев?

...Сегодня в городе Тюмени нет даже места под нор- мальный и вполне годный для народных гуляний и развле- чений парк. С аттракционами, павильонами, тенистыми аллеями и дорожками, по которым можно долго-долго гу- лять рука об руку с женой и детьми или просто в обнимку с подружкой... Почему? А спросите у чиновников. Они вам скажут, что земля в черте города больно дорога...

(Из статьи В. Подшивалова. Журнал «Синильга», № 1 (8), 2004 год).

Николай Рубцов

ПОЭЗИЯ

Теперь она, как в дымке, островками
Глядит на нас, покорная судьбе, –
Мелькнет порой лугами, ветряками –
И вновь закрыта дымными веками...
Но тем сильнее влечет она к себе!

Мелькнет покоя сельского страница.
И вместе с чувством

древности земли

Такая радость на душе струится,
Как будто вновь поет на поле жница.
И дни рекой зеркальной потекли...

Снега, снега... За линией железной
Укромный, чистый вижу уголок.

Пусть век простит мне ропот
беспольный,
Но я молю, чтоб этот вид безвестный
Хотя б вокзальный дым не заволок!

Пусть шепчет бор,
серебряно-янтарный,
Что это здесь при звоне бубенцов
Расцвел душою Пушкин
легендарный.
И снова мир дивился благодарный:
Пришел отсюда сказочный Кольцов!

Железный путь зовет меня гудками,
И я бегу... Но мне не по себе.
Когда она за дымными веками
Избой в снегах, лугами, ветряками
Мелькнет порой, покорная судьбе...

НАД ВЕЧНЫМ ПОКОЕМ

Рукой раздвинув темные кусты,
Я не нашел и запаха малины,
Но я нашел могильные кресты,
Когда ушел в малинник за овины...

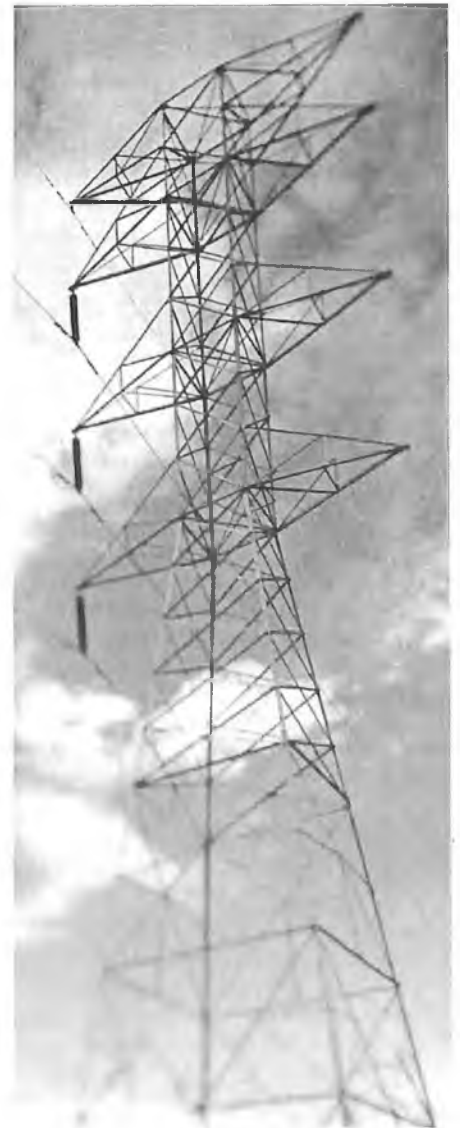
Там фантастично тихо в темноте,
Там одиноко, боязно и сыро.
Там и ромашки будто бы не те –
Как существа уже иного мира.

И так в тумане омутной воды
Стояло тихо кладбище глухое.
Таким всё было смертным
и святым,
Что до конца не будет мне покоя.

И эту грусть,
и святость прежних лет
Я так любил во мгле родного края,
Что я хотел упасть и умереть
И обнимать ромашки, умирая...

Пускай меня за тысячу земель
Уносит жизнь! Пускай меня
проносит
По всей земле надежда и метель,
Какую кто-то больше не выносит!

Когда ж почую близость похорон,
Приду сюда, где белые ромашки.
Где каждый смертный
свято погребен
В такой же белой
горестной рубашке...

Железная «ёлка»

МОЙ ДЕДУШКА – ЗАЩИТНИК ЕСЕНИНА

Сергей Есенин – мой любимый поэт. Его стихи я заучивала с детства... Со дня трагической гибели великого национального русского поэта прошло много лет, а гибель эта до сих пор остается загадкой.

Долгое время в Москве даже памятника Есенину не было. Только в 1995 году, в год столетия со дня рождения поэта, встал он в бронзе на Тверском бульваре. Создана была композиция благодаря (в том числе) публикациям и книгам моего дедушки – писателя и полковника милиции Эдуарда Хлысталова.

О последнем разговоре с дедушкой и хочу рассказать.

Нина Костикова: Многие люди читали твои книги и многочисленные публикации о Есенине. А с чего все началось?

Эдуард Хлысталов: Первый очерк, посвященный есенинской теме, я написал в 1988 году. Он назывался «Тайна гостиницы «Англетер». Отнес в журнал «Москва». Только через год его напечатали в № 7. То ли редактор побоялся публиковать такой сенсационный материал, то ли были другие причины. В № 8 1990 года вышел мой второй очерк «Неизвестный Есенин», где я впервые опубликовал недописанную Есениным статью «Россияне».

Реагировали на публикации по-разному. Противники моей версии о насильственной гибели (об убийстве) поэта писали резкие статьи в мой адрес. Обваливали поток оскорблений, обвинений в погоне за сенсацией и подтасовке фактов. Союз писателей СССР создал комиссию по расследованию причин гибели поэта. Привлекли ученых и криминалистов, но работали они, к сожалению, на низком профессиональном уровне... Но были и такие люди, которые писали мне слова благодарности о том, что я смываю грязь, в течение многих лет наляпанную на имя Сергея Александровича Есенина.

Н.К.: Были ведь и фильмы с твоим участием...

Э.Х.: Ленинградским режиссером Валерием Балайном в 1989 году был снят документальный фильм «Англетер». Второй фильм – «Мне осталась одна забава» сняла Клавдия Хорошавина из Архангельской телекомпании. В 1993 году снимал фильм воронежский режиссер Владимир Паршиков. Принимал я участие в передаче «Русский дом», которую вел Александр Крутов...

Запомнилось встреча во Дворце культуры Московского авиационного завода, куда меня приглашали в 1990 году. Тщательно подготовился к выступлению. Мы с женой наклеили на листы ватмана посмертные фотографии Есенина. Тогда они были мало кому известны. Подходя к зданию, мы увидели что все наши афиши сорваны. Я понял, что меня ждет нелегкое выступление. В числе зрителей находились и известные лица. Недалеко от сцены прохаживался молодой человек – охранник.

Первой выступила певица, исполнила песню на стихи Есенина «Не жалею, не зову, не плачу». После неё стал я говорить. Из зала то и дело доносились провокационные вопросы: «Почему вы начали заниматься делом Есенина?» – «Хочу установить правду гибели поэта». – «А по чьему заданию?» – «Я выступаю как частное лицо».

Далее: «Почему вы, опытный юрист, полковник милиции, говорите лишь о версии убийства, а не утверждаете это?». Отвечаю: «Дело в том, что за прошедшие десятилетия документы не подвергались криминалистическому исследованию специалистов. Например, я вижу, что доверенность Есенина на имя Эрлиха написана не рукой Есенина, но нужно заключение эксперта-почерковеда. Без заключения эксперта-биолога нельзя утверждать, что посмертное стихотворение Есенина написано кровью. Если бы у меня были хотя бы два свидетеля... Но никого из них уже нет в живых». Мне задают вопрос: «Что вы думаете по поводу эксгумации трупа?» Я говорю, что по прошествии лет это делать неразумно, так как многотонный памятник мог нарушить целостность костей... Ваганьковскому кладбищу очень много лет, вполне возможно, что рядом может оказаться еще чье-нибудь тело...». Далее спросили: Нужен ли в Санкт-Петербурге музей С.А. Есенина? – «Это просто необходимо, ведь здание гостиницы «Англетер», в которой произошла трагедия, в настоящее время снесено...»

Когда в своем рассказе я дошел до того места, где упоминаются красные точки на кишках погибшего, вскочила нервная дама и начала кричать: «Как вы смеете копаться в чужих кишках? Ведь тут присутствуют родственники не только Сергея Есенина, но и Зинаиды Райх! По отношению к ним это неэтично...» После этих выкриков дама и еще несколько человек вышли из зала. Но я продолжал говорить. И зал меня слушал. Выступал я больше трех часов. В конце даже раздались аплодисменты...

Эдуарда Александровича Хлысталова сегодня нет в живых, но дело его не забыто. На праздновании 110-летия со дня рождения Есенина в селе Константиново председатель Совета Федерации Сергей Миронов сказал, что в смерти Есенина до сих пор много неясного. Он усомнился в официальной версии самоубийства поэта и заявил: «Я сам военный, много видел в жизни, видел и смерть. Рука человека, покончившего жизнь самоубийством, не выглядит так, как она запечатлена на посмертной фотографии Есенина».

Нина Костикова,
студентка Литературного института.

P.S. Хлысталов Э.А. был автором и «Тюмени литературной».

Сергей Абрамов

ПРО ДРАКОНА

Вот летит желтокрылый дракон,
А под ним – где леса, где болота,
Где-то слышится звон, где-то стон...
Только слушать ему неохота.
У него есть дела поважней –
У драконов такая порода:
Жить не могут они без идей,
Без идей сумасбродного рода.
Лет так триста хотелось ему
В желтый цвет

все вокруг перекрасить.

Не сказать, что он жил по уму,
По уму можно ль все безобразить.
И вот вырвался он наконец,
Подкопил и купил, что хотелось:
Три телеги продажных сердец,
Стал он сильным теперь,

стал он смелым.

И от крыльев неясная тень
Заслонять стала светлые дали.
Все под ним начинало желтеть –
Сохли травы, леса увядали.
Пожелтела всей твари краса,
Люди сделались желтыми тоже.
И сквозь желтый эфир небеса
Стали будто совсем, как не Божьи.
Никого не страшит новизна.
Даже многие хвалят дракона,
Мол, природа смениться должна
По дракономьим, по новым законам.
И куда уж там витязей звать,
Чтоб пошли на смертельную сечу.
Если рать вся пошла торговать,
Да ни чем-то – душой человеческой!

* * *

То каналья, то быдло,
То... какой-то там класс.
Как все это обидно –
Скажем с глазу на глаз.

Можно, что ль, изгаляться
Над простым мужиком
Всякой нечисти, братцы?!
...Братцы – в лавку. Молчком.

* * *

В огне страстей, в дыму пороков,
В плену блудниц и матюгов
Какие могут быть пророки,
Когда глупцы плодят глупцов.

В эпоху гласности бесстыдной
Кому вещать про ад, про рай?
...За землю русскую обидно,
Нам тут придется умирать.

Сургутский район.

Стихи из нового сборника
С.Абрамова «Родные задворки».
Вышел в серии «Библиотека
«Тюмени литературной».

27 июля – День Военно-Морского Флота

ПРЕЗЕНТ ОТ АМЕРИКАНЦЕВ

Осень. Середина октября. Погода стояла сухая и солнечная. В Приморье бархатный сезон. В этот день наш взвод матросов был занят выгрузкой гражданского сухогруза. Созданная из нас бригада стропальщиков-грузчиков, являлась дешевой, вернее, бесплатной рабочей силой. И как выражался боцман Анатолий Попов, уроженец Талицы: «Круглое таскаем, квадратное – катаем, негабаритов нет!»

Причалы бухты Золотой Рог были забиты грузопассажирскими кораблями. Шла выгрузка и погрузка судов разных направлений. Рев сирен, грохот лебедок, гудение двигателей, скрип трапов – настилов, ведущих с берега на пирс, слышались круглые сутки. Командование торопило нас работать производительнее и быстрее.

«Время не ждет, – говорил наш взводный Виктор Семенов, – в зимнее время на островах и полуостровах гражданскому населению и воинским частям будут очень нужны уголь, нефть, продукты питания, одежда, вооружение и другие предметы быта».

И мы работали, даже в две смены. Но кто и в чей карман складывал заработанные нами деньги, мы не знали. Нам денег не давали. Иногда командиры угощали гадючьей водкой, поллитровка на троих. Очень удобно – выпьешь и, оторвав от пробки змейку, можешь закусить, конечно, по желанию. Может быть, отчислялась какая-то сумма денег на наше питание, но мы об этом не знали. Мы были освобождены от всех классных и морских занятий и на два часа спали больше других ребят, не работавших в порту. Нам не возбранялось пользоваться продукцией из разбитых упаковок.

Однажды, перед самым окончанием работ первой смены, когда мы, сделав подчистку в трюмах, укладывали стропы на поддон, услышали крики с американского сухогруза, разгружаемого американскими матросами.

– Camrade! Camrade! Present! – и матрос, стоявший на корме судна, продолжать кричать и показывать за борт: – Tub catch tub caten! Drik wine!

Не знаю, насколько правильно повторил я эти слова, произнесенные американским матросом на английском языке, но, глянув за борт, увидел полукруглый предмет, подплывающий по течению к нашему судну, он был почти

одного цвета с водой залива. Буквально за секунды судовой моторист по нашей просьбе опустил на воду шлюпку, и мы вчетвером выловили американский «Present». Это была металлическая бочка, но только не наших размеров, а намного меньше. Наши командиры не заметили появления на борту постороннего предмета (и как могли узреть, если они гуляли где-то на Фрунзенской набережной с дамами).

А мы и не спешили докладывать нашим командирам об американском подарке и потихоньку, вскрыв бочонок, пробовали содержимое. Это был спирт отличного качества, и мы, понятное дело, многие из нашего взвода, непривыкшие к алкоголю, опьянев, стали падать, шагая мимо трапа и роняя груз. Появившиеся наши командиры остановили спиртопитие, а бочонок, конфисковав, укачили. Как сказал Семенов, на анализ (вдруг отравлено). Опьяневших матросов без скандалов отправили отдыхать, без последующего наказания.

Наш взводный в содружестве с медиком и капитаном сухогруза появились на судне только на второй день. Под вечер, хорошо поддатые.

«Братцы, – заплетаящимся языком сообщил Семенов, – спирт отравлен и подлежит уничтожению!»

«А вы с Кузьминым почему-то не отравились?» – съязвил старшина Поспелов. (Замечу, мы служили уже третий год и грань между командным составом и подчиненными, фактически, была стерта, и мы позволяли себе иногда высказывать свои мнения, замечания открыто и напрямую).

Итак, в полутемном трюме мы прижали своих командиров, пьяных и беспрекословных. Вот здесь и выяснилось, что спирт чист, как слеза ребенка, и американцы очень добрые ребята, не желавшие нам зла.

С большими трудностями нам удалось все-таки вернуть ополовиненную офицерами бочку и поместить в медсанчасть для наших же профилактических мероприятий, где и пользовались больше года. А вот американских моряков отблагодарить не удалось, как мы ни старались. На берег их не пускали, а встречи с врагами номер один для СССР были подсудно запрещены. И течение было не в их сторону.

г. Тюмень

Владимир Денисов.

С Днём ВМФ, дорогие друзья!

Александр Жаров

ЗАВЕТНЫЙ КАМЕНЬ

Холодные волны вздымает лавиной
Широкое Черное море.
Последний матрос Севастополь покинул,
Уходит он, с волнами споря.
И грозный соленый бушующий вал
О шлюпку волну за волной разбивал.
В туманной дали
Не видно земли.
Ушли далеко корабли.
Друзья моряки подобрали героя.
Кипела вода штормовая.
Он камень сжимал посиневшей рукою
И тихо сказал, умирая:
«Когда покидал я родимый утес,
С собою кусочек гранита унес –
Затем, чтоб вдали
От крымской земли
О ней мы забыть не могли.

Кто камень возьмет, тот пускай поклянется,
Что с честью носить его будет.
Он первым в любимую бухту вернётся
И клятвы своей не забудет.
Тот камень заветный и ночью и днем
Матросское сердце сжигает огнем...
Пусть свято хранит
Мой камень гранит,
Он русской кровью омыт».
Сквозь бури и штормы прошел этот камень,
И стал он на место достойно...
Знакомая чайка взмахнула крылами,
И сердце забилося спокойно.
Взошел на утес черноморский матрос,
Кто родине новую славу принес.
И в мирной дали
Идут корабли
Под солнцем родимой земли.

1943 – 1945

Русские моряки! Сегодня в бухтах славного Севастополя еще базируются наши военные корабли. Но стоят они под прицелом бандеровских властей Украины... А завтра там могут оказаться НАТОвские крейсера и подлодки.

Камни Севастополя омыты русской кровью героев многих войн, не уронивших воинской чести и доблести. Это наша Русская земля, отторгнутая в результате предательства и неразумения политиков. Моряки, вернем Севастополь и наш Крым России!

ПРИВЕТСТВУЕМ ВАС, ВОЕНМОРЫ ТЮМЕНСКОГО КРАЯ!

**Члены Союза писателей России –
поэты Анвар Исмагилов (слева) и Николай Денисов**

Тюмень
Литературная

Учредители: Тюменская ассоциация литераторов,
коллектив редакции.

Газета зарегистрирована Министерством печати
и информации РСФСР 29.10.91 г.

Регистрационное свидетельство № 1248.

В издании газеты участвуют: коллектив редакции,
Тюменская и Ханты-Мансийская писательские орга-
низации.

Газета отпечатана в ОГУП «Шадринский Дом Печати»
комитета по печати и средствам массовой информации
Курганской обл., 641870, г. Шадринск,
ул. Спартака, 6. Подписано в печать 16.06.2008.
Тираж 300 экз. Заказ № 801.

Цена свободная.

Компьютерный дизайн и верстка С. Н. Пятковой,
Корректор Л. Минина.

Главный редактор Н. В. ДЕНИСОВ

Рукописи не возвращаются, не горят
и не рецензируются.
Позиция редакции может не совпадать
с позицией авторов материалов.

ДЛЯ ПИСЕМ:
625018, г. Тюмень,
Дом Советов.

